

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

Милая
Нахлебница *плутовка*

позволилась женщина, которая смогла завоевать его...

Джоанна Линдсей
Милая плутовка
Серия «Семейство Мэлори», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131309
Джоанна Линдсей. Милая плутовка: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085606-0
Оригинал: *JohannaLindsey, "Gentle Rogue"*
Перевод:
Э. Г. Коновалов

Аннотация

Очаровательную Джорджину Андерсон обманул жених, и сумасбродная девушка решила залечить боль утраты вихрем приключений. Переодевшись юношей, она нанялась юнгой на отходящий от берегов Англии корабль, однако не полюбопытствовала, что представляет собой капитан судна. И напрасно – лорд Джеймс Мэлори оказался не только бывалым моряком, но и опасным сердцеедом, покорителем женщин, буквально падавших к ногам этого мужественного красавца. Где уж тут остаться равнодушной неопытной Джорджине...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джоанна Линдсей

Милая плутовка

Глава 1

1818 год, Лондон

Джорджина Андерсон схватила с тарелки редиску, положила ее в ложку и выстрелила, как из катапульты. Правда, попасть в огромного таракана ей не удалось, но редиска ударилась совсем близко от него. Таракан счел за благо укрыться в ближайшей щели. Что и требовалось. Пока Джорджина не видит этих назойливых тварей, она может делать вид, что в ее жилье они не водятся.

Джорджина повернулась к недоеденному завтраку, посмотрела на тарелку и с гримасой отвращения отодвинула ее. Она много отдала бы сейчас за любое блюдо, приготовленное Ханной. За двенадцать лет работы Ханна научилась безошибочно угадывать, чем порадовать каждого члена семьи, и Джорджина в течение всего путешествия на корабле постоянно тосковала по ее стряпне. С того момента, когда пять дней назад они приплыли в Англию, лишь однажды Джорджине удалось вкусно поесть. Это было в день прибытия. Они остановились в отеле «Олбани», и Мак повел ее в шикарный ресторан. Но из отеля они съехали уже на следующий день и поселились в куда более скромных номерах. А что им оставалось делать, если, вернувшись в отель, они обнаружили, что из их чемоданов украдены все деньги?

По правде говоря, у Джорджи, как ее ласково звали близкие, не было достаточных оснований винить в пропаже денег отель. Скорее всего их украли, пока чемоданы путешествовали от причала в Ист-Энде до Вест-Энда, где на Пиккадилли находился престижный отель «Олбани». Пока чемоданы под присмотром возницы и его напарника двигались на повозке к отелю, Джорджина и Мак беззаботно осматривали достопримечательности Лондона.

Если уж говорить о невезении, то началось оно гораздо раньше. Приплыв в Англию, они узнали, что их судно не может войти в порт и что получить свой багаж они смогут не раньше чем через три месяца. Хорошо, что хоть самим пассажирам позволили сойти на берег. Правда, не сразу, а через несколько дней.

Впрочем, удивляться этому не следовало. Джорджина знала о заторах на Темзе, особенно в это время года, когда движение судов зависит от непредсказуемых ветров. Их корабль был одним из дюжины судов, одновременно прибывших из Америки. Кроме того, здесь скопились сотни других, со всех концов света. Подобные заторы были одной из причин, по которой члены их семьи, занимающиеся торговлей, исключили Лондон из своих маршрутов даже перед войной. Фактически ни один корабль компании «Скайларк лайн» не появлялся в Лондоне с 1807 года, когда Англия начала блокаду чуть ли не половины Европы во время своей войны с Францией. Для «Скайларк лайн» торговля с Дальним Востоком и Вест-Индией была не менее прибыльной и гораздо менее хлопотной.

Даже после того как ее страна уладила свои споры с Англией и подписала договор в самом конце 1814 года, «Скайларк лайн» воздерживалась от торговли с Англией, поскольку складирование оставалось весьма серьезной проблемой. Нередко скоропортящиеся товары приходилось оставлять прямо на пристани. Они становились легкой добычей воров, и тогда ущерб достигал полумиллиона фунтов в год. Если же воры по какой-либо причине щадили товар, то он погибал под толстым слоем угольной пыли и копоти.

Иными словами, вести торговлю с Англией было себе дороже. Именно по этой причине Джорджина приплыла в Лондон не на судне «Скайларк лайн», и по той же самой причине она не могла сейчас вернуться домой. Проблема заключалась в том, что у них с Маком оставалось всего двадцать пять американских долларов – именно эти деньги не стали добычей воров, так как были при них, а не в чемодане. И вот теперь в результате всех злоключений Джорджина оказалась в этой комнатенке, расположенной над таверной в Саутуорке.

Таверна! Если бы ее братья узнали... да они способны убить ее, если каким-то образом ей удастся вернуться домой, за то, что она без их ведома отправилась в путешествие, когда они находились по торговым делам в разных частях света. Или уж, во всяком случае, не будут давать ей денег, посадят на несколько лет под замок, да притом еще и выпорют как следует.

Правда, если говорить честно, скорее всего дело ограничилось бы тем, что братья здорово бы ее отругали. Тем не менее, как представишь, что пятеро рассерженных старших братьев совершенно оправданно обрушивают на тебя свой гнев, то становится не по себе. К несчастью, это в свое время не остановило Джорджину, и она отправилась в путешествие в сопровождении Йена Макдонелла, который не имел никакого отношения к их семье. Иногда ей приходила мысль: уж не лишил ли Господь здравого смысла всю ее семью к тому времени, когда она должна была родиться?

Не успела Джорджина встать из-за стола, как раздался стук в дверь. Она собралась было сказать «Войдите», ибо за свою жизнь привыкла, что если стучат в дверь, то это либо прислуга, либо кто-то из членов семьи. За свои двадцать два года она спала только в собственной кровати в собственной комнате в Бриджпорте, штат Коннектикут, да еще в течение последнего месяца – на подвесной койке на судне. Конечно же, никто не сможет войти в комнату, если дверь заперта на ключ, сколько бы она ни говорила «Войдите». Мак неоднократно и настойчиво напоминал ей о том, что следует запирать дверь. Впрочем, сама эта неуютная, запущенная комнатенка постоянно напоминала Джорджине о том, что она далеко от дома, что никому не следует доверять в этом негостеприимном, наводненном преступниками городе.

Из-за двери послышалась фраза, произнесенная с выразительным шотландским выговором, и Джорджина узнала Йена Макдонелла. Она открыла дверь. Вошел высокий крупный мужчина, отчего комнатка показалась совсем тесной.

– Есть какие-нибудь приятные новости?

Сядь на стул, на котором только что сидела Джорджина, он фыркнул:

– Зависит от того, как на это посмотреть.

– Опять надо разыскивать невесть кого?

– Да, но, полагаю, это лучше, чем полный тупик.

– Конечно, – без особого энтузиазма согласилась она.

Рассчитывать на большее особенно не приходилось. Некоторое время тому назад мистер Кимбалл, один из матросов корабля «Портунус», принадлежавшего ее брату Томасу, заявил, что он совершенно уверен в том, что видел ее давно пропавшего жениха Малкольма Камерона среди команды торгового судна «Погром», когда «Портунус» и «Погром» встретились на одном из морских перекрестков. Томас не имел возможности проверить утверждение мистера Кимбалла, поскольку узнал об этом лишь тогда, когда «Погром» скрылся из виду. С определенностью можно было сказать, что «Погром» держал путь в Европу, скорее всего в свой родной порт в Англии, хотя нельзя было исключить, что до этого он побывает в других портах.

Так или иначе, это было первое известие о Малкольме за шесть лет после того, как он был насильственно завербован в матросы перед началом войны в июне 1812 года.

Насильственная вербовка американских моряков английским флотом была одной из причин войны. Малкольму страшно не повезло: его забрали во время первого плавания, а

причиной тому был его корнуоллский акцент, поскольку первую половину своей жизни он прожил в Корнуолле – одном из графств Англии. Однако к тому времени он уже был американцем, его родители, ныне покойные, поселились в Бриджпорте в 1806 году и не имели намерений возвращаться в Англию. Однако английский офицер не пожелал этому поверить, и Уоррен, брат Джорджины и владелец судна «Нереус», где состоялась насильственная вербовка, до сих пор носит шрам на щеке, свидетельствующий о решительности намерений английской стороны завербовать Малкольма.

Джорджина слышала, что корабль, куда забрали Малкольма, списали, а команда его была распределена по нескольким судам. Больше ей ничего не было известно. Что делал Малкольм на английском торговом судне сейчас, когда война закончилась, не имело значения, но по крайней мере у Джорджины появилась возможность разыскать его.

– Кто и что сообщил вам на сей раз? – со вздохом спросила Джорджина. – Опять какой-нибудь незнакомец, который знает кого-то, кто знает того, кто может что-то знать о нем?

Мак хмыкнул.

– Голубушка, ты так говоришь, словно мы ходим кругами безрезультатно целую вечность. Мы занимаемся поисками всего четыре дня. Тебе бы хоть немного того терпения, которым обладает Томас.

– Не говорите мне о Томасе! Я зла на него за то, что он до сих пор ничего не сделал, чтобы найти Малкольма.

– Он бы нашел...

– Через шесть месяцев! Он хотел, чтобы я еще целых шесть месяцев ждала, когда он вернется из Вест-Индии! А сколько месяцев понадобится, чтобы доплыть сюда, разыскать Малкольма и вернуться с ним назад? Я и без того ждала целых шесть лет!

– Четыре года, – поправил ее Мак. – Никто не позволил бы тебе выйти замуж за этого парня, пока тебе не исполнилось восемнадцать.

– Это к делу не относится. Если бы кто-нибудь другой из братьев был дома, он непременно тотчас же отправился бы сюда. Увы, на месте со своим судном оказался только слишком оптимистичный Томас, у которого в придачу терпение святого. Вот как мне не повезло! А вы знаете, как он смеялся, когда я сказала, что, если я еще немного постарею, Малкольм откажется от меня?

Мак с трудом сдержал улыбку, услышав столь откровенный и простодушный вопрос. Неудивительно, что в свое время подобные рассуждения девушки вызывали смех у ее старшего брата.

Хотя прошло столько лет, девушка не вняла совету братьев забыть о Малкольме Каме-роне. Уже окончилась война, и парень, казалось бы, должен был вернуться домой. Но он так и не вернулся, а она все ждала. Один этот факт мог бы подсказать Томасу, что она не станет дожидаться, пока брат вернется из Вест-Индии. Они были членами одной семьи, и всем им в равной степени был присущ авантюризм, а вот терпением в отличие от Томаса Джорджина не обладала.

Конечно, в какой-то степени Томаса можно простить за то, что он не стал заниматься поисками Малкольма. Корабль брата Дрю должен был вернуться до конца лета и в течение нескольких месяцев, до следующего плавания, оставаться дома. А Дрю ни в чем не мог отказать единственной сестре. Но девушка не стала дожидаться возвращения Дрю, а заказала билет на корабль, который отправлялся спустя три дня после отплытия Томаса, и кое-как уговорила Мака сопровождать ее. Правда, он до сих пор не мог понять, каким образом ей удалось представить дело так, будто это была не ее, а его идея.

– Ладно, Джорджи, учитывая, что в Лондоне народу больше, чем во всем Коннектикуте, не стоит представлять все в мрачном свете. Человек, с которым я собираюсь встретиться, похоже, знает нашего Малкольма очень хорошо. Тот, с кем я говорил сегодня, сказал,

что Малкольм сошел с корабля вместе с этим мистером Уиллкоксом. Он может пролить свет на то, где искать парня.

– Звучит очень даже обнадеживающе, – согласилась Джорджина. – Может, этот мистер Уиллкокс даже отведет вас прямо к Малкольму, поэтому... Я думаю, мне надо пойти с вами.

– Ты не пойдешь! – отрезал Мак, сердито нахмурившись. – Я встречаюсь с ним в таверне!

– Ну и что?

– Еще натворишь бог знает что!

– Но, Мак...

– Даже не проси, девочка, – сурово сказал он.

Однако, перехватив брошенный ею взгляд, Мак понял, что она не отступится. Он прекрасно знал, что, если Джорджина что-нибудь решит, отговорить ее практически невозможно. И доказательством этого служит то, что она сейчас в Лондоне, а не дома, как считают ее братья.

Глава 2

В элитном Вест-Энде, что находится на другом берегу реки, возле фешенебельного дома на Пиккадилли остановилась карета, из которой вышел сэр Энтони Мэлори. Ранее это была его холостяцкая резиденция, которую теперь уже нельзя называть таковой, ибо он возвращался со своей молодой женой леди Рослин.

Джеймс Мэлори, брат Энтони, который жил в доме во время своих приездов в Лондон, услышав подъехавшую в столь поздний час карету, вышел в зал в тот момент, когда Энтони через порог вносил на руках новобрачную. Поскольку Джеймс пока не был осведомлен о том, кто она такая, он осторожно сказал:

– Полагаю, мне не следовало это видеть.

– Я думал, что ты не увидишь, – ответил Энтони, обходя брата и направляясь со своей ношей к лестнице. – Но коль скоро ты увидел, то знай, что я женился на этой девушке.

– Так я тебе и поверил!

– Он действительно женился! – Девушка улыбнулась ослепительной улыбкой. – Неужели вы думаете, что я позволю, чтобы первый встречный переносил меня на руках через порог?

Энтони на момент остановился, поймав недоверчивый взгляд брата.

– Господи, Джеймс, я, наверное, всю жизнь ждал такого момента, когда ты не найдешь, что ответить. Но надеюсь, ты простишь, если я не стану дожидаться, пока ты придешь в себя?

И Энтони скрылся.

От изумления Джеймс не сразу закрыл рот, но, впрочем, тут же открыл его снова, чтобы осушить бокал бренди, который держал в руках. Невероятно! Энтони заковал себя в кандалы! Самый известный повеса в Лондоне! Правда, эта слава перешла к нему после того, как сам Джеймс десять лет тому назад покинул Европу. И что же заставило брата совершить такой отчаянный шаг?

Бесспорно, леди была изумительно красива, но Энтони мог бы заполучить ее и каким-либо другим образом. Так случилось, что Джеймсу стало известно, будто Энтони уже соблазнил ее вчера вечером. В таком случае что заставило его на ней жениться? Семьи у нее не было, настаивать на браке было некому. Едва ли кто-либо мог посоветовать ему жениться, кроме разве что старшего брата Джейсона, маркиза Хаверстонского и главы семейства. Но впрочем, даже Джейсон не мог бы заставить Энтони жениться. Разве Джейсон за многие годы не пытался склонить его к женитьбе?

Никто не приставлял пистолета к голове Энтони и не вынуждал к подобной глупости. И вообще Энтони в отличие от виконта Николаса Идена всегда мог противостоять давлению со стороны старших. Николаса Идена принудили жениться на их племяннице Реган, или Регги, как ее все называли. Честно говоря, Джеймс до сих пор сожалеет, что он был лишен возможности высказать Николасу все, что он о нем думает. В то время в семье еще не знали, что он вернулся в Англию и испытывал желание задать виконту основательную трепку, которую тот, по его мнению, заслуживал совсем по другой причине.

Покачав головой, Джеймс прошел в гостиную и взял графин с бренди, решив, что пара дополнительных глотков поможет ему понять причину женитьбы брата. Любовь он сразу сбрасывал со счетов. Поскольку Энтони не поддался этому чувству в семнадцать лет, когда впервые познал сладость представительниц прекрасного пола, то, стало быть, он невосприимчив к этой болезни так же, как и сам Джеймс. Не приходится принимать в расчет и необходимость иметь наследника, поскольку все титулы семейства уже распределены. У Джейсона, старшего брата, уже взрослый сын Дерек, по годам догоняющий своих младших дядьев.

У Эдварда, второго по старшинству из семейства Мэлори, – пятеро детей, из которых все, кроме Эми, достигли брачного возраста. Даже у Джеймса был сын Джереми – правда, внебрачный, о существовании которого он узнал шесть лет назад. До этого он и не подозревал, чьего сына воспитывала работающая в таверне женщина. Сын продолжал работать там же и после смерти матери. Сейчас ему было семнадцать, и он пошел по стопам отца по части прекрасного пола. Энтони, четвертому сыну, не было необходимости заботиться об увековечении рода – об этом уже позаботились трое старших Мэлори.

Джеймс с графином бренди в руке опустился на диван. Сэр Мэлори был отлично сложен, хотя ростом недотянул до шести футов. Он снова вспомнил о новобрачных и задал себе вопрос, чем они сейчас могут заниматься. Его красиво очерченные, чувственные губы сложились в улыбку. Но ответа на вопрос о том, почему Энтони женился, он так и не нашел. Сам Джеймс никогда подобной ошибки не совершит. Но он готов признать, что уж коли Энтони суждено попасть в капкан, то захлопнуть его должна была такая красotka, как Рослин Чэдуик... впрочем, теперь она уже была Мэлори.

Джеймс и сам подумывал о том, чтобы приударить за ней, хотя Энтони уже успел выразить свой интерес к Рослин. Когда они были совсем молодыми, то нередко из спортивного интереса принимались ухаживать за одной и той же женщиной. Победителем оказывался тот, на ком женщина раньше останавливала свой взор. Энтони у женщин имел репутацию дьявольски красивого и неотразимого, а Джеймс считал таковым и себя.

Тем не менее внешне братья разительно отличались друг от друга. Энтони был выше и стройнее, от бабушки он унаследовал черные волосы и темно-синие глаза. Такой же масти были Реган, Эми и, как ни досадно, собственный сын Джеймса – Джереми, который, что еще более досадно, был больше похож на Энтони, чем на отца. У Джеймса были вполне типичные для всех Мэлори белокурые волосы, зеленоватые глаза, крепко сбитая фигура. «Большой, белокурый и безумно красивый», – говаривала Реган.

Джеймс хмыкнул, вспомнив о милой племяннице. Его единственная сестра Мелисса умерла, когда ее дочери было всего два года, так что девочку вырастили и воспитали все братья. Они любили ее как дочь. Но сейчас она была замужем за этим прохвостом Иденом, и Джеймсу ничего не оставалось, как терпеть этого типа. Впрочем, Николас Иден уже сумел зарекомендовать себя образцовым мужем.

Опять же мужем. Но у Идена была причина. Он обожал Реган. Что касается Энтони, то он обожал всех женщин. В этом Энтони и Джеймс были одинаковы. И хотя Джеймсу сейчас исполнилось тридцать шесть лет, пока что не родилась еще женщина, которая могла бы заманить его в супружеские сети. Любить женщин и вовремя уходить от них – это было его кредо, которого он придерживался многие годы и не намерен был менять и впредь.

Глава 3

Йен Макдонелл был американцем во втором поколении, однако его шотландские корни заявляли о себе рыжими, морковного цвета, волосами и картавым «р». Зато он был начисто лишен шотландского темперамента: выглядел сдержанным и спокойным, каким, собственно, и был все сорок семь лет своей жизни. Однако накануне вечером и в первую половину нынешнего дня он по-настоящему раскрыл свой темперамент.

Будучи соседом Андерсонов, Мак знал их семью всю жизнь. Он плавал на их судах свыше тридцати пяти лет, начав в семилетнем возрасте юнгой у Андерсона-старшего и дослужившись до первого помощника капитана на судне «Нептун», владельцем которого был Клинтон Андерсон. По меньшей мере раз десять он отказывался от звания капитана. Подобно Бойду, младшему брату Джорджины, он не любил брать на себя ответственность. (Впрочем, юному Бойду неизбежно придется это делать.)

Пять лет назад Мак распрощался с морем, но остался при судах; теперь в его обязанности входило проверять исправность каждого судна «Скайларк лайн», возвратившегося в порт.

Когда пятнадцать лет назад умер старый Андерсон, а спустя несколько лет и его жена, Мак добровольно взвалил на себя заботу о детях, хотя был всего на семь лет старше Клинтона. Он следил за их воспитанием, не скупился на советы и обучал мальчишек, а если честно, то и Джорджину, всему тому, что знал о кораблях сам. Не в пример их отцу, который бывал дома между плаваниями не больше одного-двух месяцев, Мак мог провести на берегу до шести месяцев в год, прежде чем ветер странствий опять звал его в путь.

Как это обычно бывает, если человек предан морю больше, чем собственной семье, рождение каждого ребенка у Андерсонов отмечалось тем, что отец отправлялся в плавание. Клинтон был первенцем, и ему сейчас исполнилось сорок. Отец четыре года путешествовал по Дальнему Востоку, после чего родился Уоррен, который был на шесть лет моложе Клинтона. Томаса от Уоррена отделяют четыре года, ровно столько же – Дрю от Томаса. Дрю был единственным из детей, рождение которого совпало с пребыванием отца дома. Объяснялось это тем, что жестокий шторм изрядно потрепал его корабль и вынудил вернуться в порт. Случившиеся за этим передрыги задержали отплытие почти на год, и Андерсон стал свидетелем рождения Дрю и зачал Бойда, появившегося на свет спустя одиннадцать месяцев после брата.

А еще через четыре года появился на свет младший ребенок – единственная дочь. В отличие от мальчишек, которые бредили морем с детства и рано уходили в плавание, Джорджина оставалась дома и встречала каждый возвращающийся корабль. Поэтому неудивительно, что Мак был так привязан к девушке, ибо он провел с ней времени больше, нежели с кем-либо из ее братьев. Он отлично знал ее повадки и трюки, на которые Джорджина пускалась, чтобы добиться своего, и, конечно же, ему следовало быть непреклонным, когда ей пришла в голову эта неслыханная идея. И тем не менее сейчас Джорджина находилась рядом с ним, в баре одной из самых непрезентабельных таверн в порту.

Мак был бы весьма рад, если бы девушка все же поняла, что капризы завели ее слишком далеко. Она нервно озиралась по сторонам, словно щенок, и даже кортик, спрятанный в рукаве, не добавлял ей уверенности и спокойствия. Однако упрямство не позволяло ей уйти до тех пор, пока она не увидит мистера Уиллкокса. К счастью, она предусмотрительно оделась так, что в ней трудно было заподозрить женщину.

Ее тонкие, хрупкие руки скрывали огромные неряшливые перчатки, которые Мак никогда раньше не видел. Они были настолько велики, что ей с трудом удавалось поднимать кружку с элем, который ей заказал Мак. Картину дополняли брюки в заплатках и свитер.

Одежда, одолженная у старьевщика, была ей катастрофически велика, зато не давала возможности обнаружить никаких подозрительных выпуклостей, если только девушка не поднимала руки. На ногах ее была пара собственных, уже не поддающихся ремонту ботинок. Темные волосы тщательно заправлены под шерстяную шапку, натянутую настолько низко, что она почти закрывала глаза.

Джорджина в этом наряде являла собой весьма жалкое зрелище, однако гармонировала с окружением гораздо больше, нежели Мак, одетый в собственную одежду, пусть не слишком изысканную, но тем не менее заметно превосходящую по качеству одежду находящихся в таверне матросов. По крайней мере до того момента, пока в дверях не показались два джентльмена.

Удивительно, насколько быстро можно заставить замолчать шумную, гомонящую таверну. В мгновенно наступившей тишине слышалось лишь тяжелое сопение да еще шепот Джорджины.

– Что это значит?

Мак не ответил, жестом призвав ее помолчать, во всяком случае, пока посетители пытались определить намерения и настрой вошедших. Очевидно, их просто решили проигнорировать. За столами снова загомонили. Мак взглянул на Джорджину: она сидела, опустив глаза.

– Это не те люди, которых мы ждем, но, судя по виду, господа. Сюда нечасто такие заглядывают, насколько я понимаю.

В ответ раздался шепот Джорджины:

– Разве я не говорила всегда, что у этих англичан надменности столько, что они не знают, что с ней делать?

– Всегда? – хмыкнул Мак. – Насколько я помню, ты стала это говорить с шестнадцати лет.

– Только потому, что раньше я об этом не знала, – недовольным тоном возразила Джорджина.

Она испытывала неприязнь к англичанам за то, что те силой увезли ее жениха; это раздражение не уменьшилось после окончания войны и вряд ли пройдет раньше, чем она заполучит парня назад. Однако свою неприязнь Джорджина не выказывала откровенно, во всяком случае, так полагал Мак. Вот ее братья, те не стеснялись почему зря слать проклятия англичанам уже задолго до начала войны, когда блокада европейских портов, начатая Англией, создала большие препятствия для торговли. Если кто по-настоящему и имел зуб на англичан, так это братья Андерсон.

Лет десять подряд девушка постоянно слышала, что англичане – надменные выродки, и, хотя в то время это не особенно затрагивало ее, она могла слушать и сочувственно кивать братьям. Однако когда английский произвол затронул лично ее, все изменилось. Правда, она по-прежнему не высказывалась на этот счет столь горячо, как братья. Однако никто не мог усомниться в том, какое презрение и какую антипатию испытывала она ко всему английскому. Просто она выражала свои чувства в вежливой форме.

Джорджина почувствовала изумление Мака, даже не видя его удивленной улыбки. У нее нервно подрагивали ноги, она боялась поднять голову и посмотреть на эту шумную толпу, а Мак нашел повод чему-то удивляться. Ее подмывало взглянуть на вошедших господ, которые наверняка разодеты, как щеголи. Наконец она сказала:

– Уиллкокс, Мак. Вы помните его? Это то, ради чего мы сюда пришли. Может быть, надо...

– Ну-ну, не суетись, успокойся, – мягко перебил ее Мак.

Джорджина вздохнула:

– Простите. Просто мне хотелось бы, чтобы этот парень пришел поскорее, если он вообще намерен здесь появиться. Вы уверены, что его еще здесь нет?

– У него несколько бородавок на щеках и на носу и еще больше – на нижней губе. Это невысокий, коренастый, желтоволосый парень лет двадцати пяти. С такими приметами мы не пропустим его.

– Если только внешность описана точно, – заметила Джорджина.

Мак пожал плечами.

– Это все, чем мы располагаем, во всяком случае, лучше, чем ничего... Обходить все столы и спрашивать каждого я не собираюсь... Боже мой, у тебя волосы выбились, девоч...

– Тс-с! – шикнула Джорджина, не давая ему выговорить до конца опасное слово и одновременно поднимая руку, чтобы заправить предательский локон.

При этом свитер обтянул грудь, выдавая ее принадлежность к женскому полу. Джорджина быстро опустила руку, однако ее движение не укрылось от взгляда одного из двух джентльменов, появление которых в таверне несколько минут назад вызвало необычную реакцию присутствующих.

Джорджина заинтересовала Джеймса Мэлори, хотя по его виду этого сказать было нельзя. Сегодня вместе с Энтони они побывали уже в восьми тавернах в поисках Джорди Камерона – кузена Рослин, шотландца по происхождению. Этим утром Энтони услышал историю о том, как Камерон пытался заставить Рослин выйти за него замуж, даже похитил ее, но ей удалось бежать. По этой причине, чтобы защитить девушку от подлого и вульгарного кузена, как выразился Энтони, он и женился на ней. Помимо этого, Энтони преисполнился решимости разыскать парня, задать ему основательную трепку, просветить его относительно того, что Рослин замужем, и отправить назад, в Шотландию, внушив, что ему следует оставить свою кузину в покое. Хотел ли Энтони лишь защитить невесту или за этим крылись какие-то личные интересы?

Какими бы мотивами Энтони ни руководствовался, но, увидев рыжеволосого мужчину в баре, он решил, что нашел того, кого искал. Именно поэтому они и расположились так близко к бару, рассчитывая почерпнуть дополнительную информацию из разговора мужчины с его собеседником. О Джорди Камероне они знали лишь то, что он высок, голубоглаз, что у него рыжие волосы и ярко выраженный шотландский акцент. Последний факт обнаружился сразу же, когда мужчина слегка повысил голос. Джеймс готов был поклясться, что мужчина бранит своего друга. Энтони же в первую очередь отметил его шотландский выговор.

– Услышанного мне вполне достаточно, – сказал Энтони, резко вставая из-за стола.

Джеймс был лучше знаком с тавернами в порту, нежели его брат; он знал, во что может вылиться потасовка. К ней могут присоединиться едва ли не все, находящиеся в зале. И хотя Энтони был первоклассным боксером (как, впрочем, и Джеймс), здесь спортивные правила не действовали: пока будешь сражаться с одним, вполне можешь получить удар в спину от другого.

Предвидя вероятность подобного поворота событий, Джеймс схватил брата за руку и прошипел:

– Ты пока ничего не слышал. Будь благоразумен, Тони. Неизвестно, сколько приятелей пьют здесь за его счет. Лучше подождать, пока он выкатится отсюда.

– Ты можешь ждать сколько угодно. А у меня дома молодая жена, и я больше ждать не могу.

Но прежде чем брат двинулся, Джеймс решил, что благоразумно окликнуть сидящего, надеясь, что ответа не последует и этим все закончится.

– Камерон!

Ответ последовал, да еще какой энергичный.

Услышав знакомое имя, Джорджина и Мак резко повернулись в сторону Джеймса. Девушка понимала, что тем самым она открывает лицо на обозрение всей таверне, но она так надеялась увидеть Малкольма! Возможно, именно его сейчас окликнул этот господин. Что касается Мака, то, увидев, как высокий черноволосый аристократ решительно отмахнулся от предостерегающего жеста своего белокурого приятеля, во взгляде которого явно читалась враждебность, он мгновенно напрягся и приготовился к защите. В мгновение ока брюнет преодолел разделяющее их расстояние.

Отбросив всякую предосторожность, Джорджина зачарованно уставилась на высокого брюнета – самого красивого из голубоглазых дьяволов, какого ей когда-либо доводилось видеть. В ее сознании мелькнуло, что он, по всей видимости, был одним из тех господ, о которых Мак пытался ей раньше рассказать, и что он существенно отличался от тех, о ком у нее сложилось собственное представление. В этом джентльмене не было ничего от шеголя и фата. Несомненно, костюм его был сшит из дорогой материи, но в то же время в нем не было никаких излишеств. Если бы не слишком уж модный галстук, можно было бы сказать, что одет он, как любой из ее братьев, когда хочет выглядеть чуть элегантнее обычного.

Все это пронеслось в голове Джорджины, однако спокойнее ей не стало, ибо намерения господина отнюдь не выглядели дружественными. Чувствовалось, что им владеет с трудом сдерживаемый гнев, направленный почему-то исключительно на Мака.

– Камерон? – негромко спросил мужчина, обращаясь к Маку.

– Меня зовут Макдонелл, приятель. Йен Макдонелл.

– Ты лжешь!

Джорджина опешила, услышав подобное обвинение. Она ахнула, когда мужчина схватил Мака за лацканы пиджака и приподнял его со стула. Лица обоих оказались в нескольких дюймах друг от друга, взгляды их скрестились; серые глаза Мака сверкали негодованием. Джорджина не могла позволить им затеять драку. Возможно, Маку, как и всякому моряку, драка со скандалом в удовольствие, но черт побери, они здесь находятся совсем не для этого! И вовсе ни к чему привлекать к себе всеобщее внимание.

Времени на то, чтобы обдумать дальнейшие действия, не было, и Джорджина вытащила из рукава нож. Она совсем не собиралась пускать его в ход, а хотела лишь припугнуть элегантного джентльмена и заставить его ретироваться. Но раньше, чем ей удалось взять нож огромными перчатками, он был выбит из ее рук.

После этого Джорджина по-настоящему испугалась, слишком поздно вспомнив, что напавший на Мака мужчина был здесь не один. Она не знала, почему эти люди выбрали именно их двоих, хотя зал был полон и можно было поразвлечься с кем-то еще. Но она слышала о том, что надменные господа любят продемонстрировать свою силу и власть и поугатывать людей из низших классов. Однако Джорджина не собиралась молча позволять им куражиться над собой. Ни за что на свете! Из головы напрочь вылетело то, что ей необходимо остаться незамеченной. Сворачивалась несправедливость, подобная той, в результате которой она потеряла Малкольма.

Развернувшись, девушка отчаянно бросилась в атаку, собрав воедино все негодование и злость, которые она испытывала к англичанам, и в особенности к аристократам. Она била мужчину кулаками и пинала ногами, но от этого страдали только ее кулаки и пальцы на ногах. Было такое ощущение, что она бьется о каменную стену. Однако это лишь распалило ее. «И не надейся, – мысленно произнесла она. – Я не отступлю перед тобой, Каменная Стена».

Должно быть, это могло продолжаться до бесконечности, если бы Каменная Стена не решил, что пора с этим кончать. Внезапно Джорджина почувствовала, что она отлетела, словно пушинка, и – о ужас! – рука мужчины легла ей на грудь.

Но этим все не закончилось. Брюнет, удерживающий Мака, вдруг громко воскликнул:

– Боже мой, да *он*, оказывается, женщина!

– Я знаю, – ответил Каменная Стена.

– Ах вы, мерзкие твари! – во весь голос воскликнула Джорджина, поняв, что маскироваться дальше бессмысленно. – Мак, сделайте что-нибудь!

Мак сделал было попытку нанести удар черноволосому джентльмену, но кулак последнего отбил его руку и прижал к стойке бара.

– В этом нет нужды, Макдонелл, – сказал брюнет. – Я ошибся. Не тот цвет глаз. Приношу извинения.

Мак был обескуражен тем, насколько легко его переиграли. Ростом он не уступал англичанину, однако не мог вырвать свой кулак из-под его руки. Да если бы даже и смог, то, как он чувствовал, из этого не вышло бы ничего хорошего.

Он благоразумно кивнул, дав понять, что принимает извинения, после чего почувствовал, что его рука обрела свободу. Однако Джорджину продолжал крепко держать блондин, в котором Мак инстинктивно признал более опасного негодяя.

– Отпусти ее, приятель, если не хочешь неприятностей.

– Спокойно, Макдонелл, – увещающим тоном проговорил брюнет. – Он не причинит девочке вреда. Может, ты проводишь нас к выходу?

– Нет необходимости...

– Ты оглядись, дорогой друг, – перебил его блондин. – Похоже, необходимость есть, после того как мой брат допустил такой промах.

Мак повернул голову и чертыхнулся. Глаза всех присутствующих в зале были устремлены на девушку, которую железной хваткой держал крепкий джентльмен, продвигаясь с ней к дверям. Но вот чудо: она не кричала и не жаловалась на грубое обращение. Во всяком случае, Мак не заметил ничего подобного, поскольку ее попытки выразить возмущение замерли после того, как крепкая рука сжала ей ребра. Мак также благоразумно замолчал и последовал за ними, понимая, что, если бы не этот грозный приятель, уносящий Джорджину, ему с девушкой далеко от таверны уйти не удалось бы.

Джорджина также сознавала, что может попасть в серьезную переделку, если не выберется отсюда как можно быстрее. И виновата во всем она сама. Все это вынудило ее смирить свой гнев.

Внезапно путь им преградила миловидная девица, которая работала в таверне. Она бесцеремонно дотронулась до незанятой руки мужчины, несущего Джорджину.

– Вы вернетесь сюда? Вы не насовсем?

Джорджина сдвинула назад шапку, чтобы рассмотреть, насколько красива эта девица, и услышала голос Каменной Стены:

– Я приду попозже, детка.

Лицо девицы просветлело. Она даже не сочла нужным взглянуть на Джорджину, которая вдруг с изумлением поняла, что та жаждет оказаться в обществе этого пещерного человека. До чего же удивительные бывают у людей вкусы!

– Я заканчиваю в два, – уточнила она.

– Стало быть, в два.

– Две девицы для одного – это, я думаю, многовато.

Эти слова произнес дюжий матрос, который поднялся из-за стола и преградил путь к двери.

Джорджина похолодела. Матрос был явно из тех, кто любит задираться и хорошо владеет кулаками. И он превосходил Каменную Стену по росту и габаритам. Правда, она забыла о другом джентльмене, которого тот называл братом и который подошел и стал рядом. Вздохнув, он сказал:

– Я думаю, тебе не надо опускать ее на землю и ввязываться в это дело, Джеймс.

– Отойди отсюда, приятель, – предупредил его матрос. – У него нет права приходить сюда и уводить не одну, а сразу двух наших женщин.

– Двух? Эта маленькая оборванка – твоя женщина? – Брат посмотрел в лицо Джорджины, которая встретила его убийственным взглядом. Может быть, по этой причине он лишь после некоторого колебания спросил: – Ты его женщина, дорогая?

О, как ей хотелось сказать «да!». Если бы она была уверена, что успеет убежать, пока моряк будет крушить этих двоих. Но такой уверенности у нее не было. Она могла сколько угодно злиться на обоих джентльменов, и в особенности на того, кого звали Джеймс и кто так неделикатно схватил ее, но вынуждена была скрыть свой гнев и отрицательно покачать головой.

– Полагаю, ответ исчерпывающий, – не допускающим возражений тоном сказал брат. – А теперь не валяй дурака и отойди с дороги.

Но матрос уперся:

– Он не вынесет ее отсюда!

– Черт бы тебя побрал, – каким-то усталым тоном проговорил джентльмен, и его кулак пришел в соприкосновение с челюстью матроса, после чего тот приземлился в нескольких футах и остался недвижим. Из-за столика, где он раньше сидел, с грозным ревом поднялся мужчина. Последовал короткий прямой удар, и мужчина плюхнулся на стул, прикрыв рукой нос. Из-под руки по подбородку потекла кровь.

Джентльмен медленно оглядел сидящих за столами, вопросительно выгнув черную бровь.

– Есть еще желающие?

Стоявший позади него Мак ухмыльнулся, осознав лишь сейчас, насколько ему повезло, что он не полез в драку с англичанином. Больше никто в зале вызова не принял. Развязка произошла мгновенно. Все поняли, что перед ними первоклассный боксер.

– Неплохо сработано, мой мальчик, – поздравил Джеймс брата. – Надеюсь, теперь мы можем уйти отсюда?

Энтони отвесил поклон и улыбнулся:

– После тебя, старик.

Выйдя из таверны, Джеймс опустил девушку на землю. При свете фонаря над входной дверью у нее наконец появилась возможность впервые по-настоящему взглянуть на него. После секундного колебания она пнула его в голень и бросилась бежать по улице. Громко чертыхнувшись, он бросился было за ней, но через несколько шагов остановился, осознав бесполезность погони. Улица была темная, и Джорджина уже скрылась из виду.

Он вернулся назад и вновь выругался, обнаружив, что Макдонелл также исчез.

– А этот чертов шотландец куда делся?

Энтони рассмеялся:

– За это надо благодарить тебя. Я хотел спросить его, почему они оба повернулись, когда услышали имя Камерона.

– Черт с ним, с Камероном, – отрезал Джеймс. – Другое дело, как мне найти ее, если я не знаю даже ее имени?

– Найти ее? – Энтони снова хмыкнул. – Бог мой, да ты просто не жалеешь себя! Зачем тебе эта драчуня, если тебя сейчас ждет не дождетсa красotka не хуже?

Однако у Джеймса интерес к красотке из таверны почему-то внезапно пропал.

– Она заинтересовала меня, – вдруг признался Джеймс и пожал плечами. – Но, пожалуй, ты прав. Эта крошка в таверне сможет меня утешить, хотя на твоих коленях она провела не меньше времени, чем на моих.

Но, сказав это, он все же бросил долгий взгляд на темную улицу и, вздохнув, направился к поджидавшей его карете.

Глава 4

Сотрясаемая дрожью Джорджина сидела в подвале под лестницей. Туда, где она пряталась, не проникал даже лучик света. Кругом было тихо и темно, как, впрочем, и на улице.

Нельзя сказать, чтобы ей было холодно. В конце концов стояло лето, и погода была почти такой, как и в Новой Англии. Дрожала она скорее всего от потрясения. Очевидно, это была запоздалая реакция на пережитое. Но кто бы мог подумать, что Каменная Стена может так посмотреть на нее?

Она до сих пор видела его аристократическое лицо, его пронзительный взгляд – любопытные, кристально-чистые, зеленоватые, ясные глаза. Ее пугало слово, которое вдруг пришло ей на ум, хотя она и не понимала причины. Это были глаза, которые способны вызвать страх не только у женщины, но и у мужчины. Прямой, бесстрашный, беспощадный взгляд. Джорджина снова задрожала.

Она дала волю своему воображению. Было ли в его глазах простое любопытство, когда он посмотрел на нее? Нет, не только. В них было нечто большее, с чем она еще незнакома и что не может определить словами. Но это нечто волновало и будоражило. Так что же это такое?

Впрочем, не все ли равно? И зачем она занимается этой ерундой, пытаясь анализировать *его*? Она никогда его раньше не видела – и слава Богу! И как только пальцы на ногах перестанут болеть (она очень сильно пнула его в последний раз), Джорджина вообще перестанет о нем думать.

Джеймс – это имя или фамилия? Да какая разница? А плечи – Боже, какие у него широкие плечи. Каменная Стена... Вполне подходящее прозвище. Этакая могучая каменная стена... из красивых камней. Из красивых? Джорджина хихикнула. Ну что ж. Кирпичи красивые, даже очень красивые. Ой нет, нет! О чем она думает? Он просто большая обезьяна с красивыми чертами лица, вот и все. И потом он англичанин, слишком старый для нее, да еще аристократ, которых она ненавидит. Наверняка богат, может купить все, что ему захочется. Законы для этого человека ничего не значат. Разве не возмутительно он вел себя по отношению к ней? Развратник, потаскун...

– Джорджи?

Шепот донесся до нее издалека. Она не сразу ответила:

– Я здесь, Мак.

Через несколько секунд она услышала шаги Мака и увидела тень, упавшую на верхнюю часть лестницы.

– Ты можешь выходить, девочка. На улице никого.

– Слышу, что никого, – проворчала Джорджина, поднимаясь по лестнице. – Где вы столько пропадали? Надеюсь, это не они вас задержали?

– Нет, я просто переждал возле таверны, чтобы они не пошли за мной. Я боялся, что желтоголовый побежит догонять тебя, но его осадил брат.

– Так бы он меня и поймал, бугай здоровый, – фыркнула Джорджина.

– Радуйся, что он не погнался за тобой, – проговорил Мак, выходя с Джорджиной на улицу. – Может, хоть в следующий раз послушаешься меня...

– Если вы скажете, что я во всем виновата, я не буду разговаривать с вами целую неделю.

– Может, это будет и к лучшему.

– Ну хорошо: я была не права. Признаю. Вы меня прощаете?

– Ладно... Эти два господина приняли меня за кого-то другого, так что ты здесь ни при чем.

– Но они разыскивали Камерона. Что, если Малкольма?

– Как это возможно? Они думали, что Камерон – это я. Позволь спросить: я похож на него?

Джорджина засмеялась, испытав некоторое облегчение. Действительно. Что общего? Когда Малкольм сделал ей предложение, это был поджарый восемнадцатилетний парень. Конечно, сейчас он превратился в мужчину, вероятно, набрал вес и немного подрос. Но цвет волос у него остался такой же, как и у надменного англичанина – брюнета с голубыми глазами, и был он более чем на двадцать лет моложе Мака.

– Кто бы ни был этот Камерон, но я могу только посочувствовать бедняжке, – заметила Джорджина.

– Что, он напугал тебя? – хмыкнул Мак.

– Он? Но их было двое.

– Да, но, как я заметил, ты хотела бы иметь дело лишь с одним.

Джорджина не собиралась спорить по этому поводу.

– Они какие-то... разные, правда же, Мак? То есть вроде бы похожи, но и разные. Наверное, братья, хотя по виду этого не скажешь. А в этом Джеймсе есть что-то особенное... Впрочем, все это, наверное, чепуха. Я сама в этом не уверена.

– Удивительно, что ты это почувствовала, голубушка.

– Что именно?

– Что из двоих он более опасный. Стоило только взглянуть на него, когда он вошел... А как он смотрел всем в глаза... Как шутил обращаясь с этими головорезами из таверны... Одет изысканно, а среди толпы чувствует себя как дома.

– Это вы определили, как только взглянули на него?

– Да, девочка. Интуиция и опыт... Да ты ведь тоже это почувствовала. Хорошо, что ты здорово бегаешь.

– Что вы хотите сказать? Что он не хотел нас отпустить?

– Я-то ему не нужен, а вот тебя он не хотел терять.

– Если бы он не держал меня, я бы сломала ему нос.

– Насколько я помню, ты пыталась это сделать, но без особого успеха.

– Вы подсмеиваетесь надо мной, – вздохнула Джорджина.

– Твои братья еще не так подсмеивались, – хмыкнул Мак.

– Это было давным-давно, еще в детстве, – возразила девушка.

– Я помню, как ты готова была разорвать Бойда в клочья и гонялась за ним по всему дому. Это было совсем недавно – прошлой зимой.

– Он еще, можно сказать, ребенок и к тому же ужасный озорник.

– А ведь он постарше Малкольма.

– Фи! – Джорджина обогнала Мака. – Вы такой же, как и многие другие, Йен Макдонелл!

– Если ты хочешь, чтобы тебе посочувствовали, то так и скажи, – крикнул он, пытаясь сдержать смех.

Глава 5

В Хендон – деревню, расположенную в семи милях к северо-западу от Лондона, они ехали на двух старых клячах, которых нанял Мак. Путешествие было приятным, это признала и Джорджина, хотя она и продолжала презирать все английское. Живописные леса сменялись долинами и холмами, с которых открывались великолепные пейзажи; там и сям виднелись живые изгороди из цветущего боярышника, шиповника и жимолости, вдоль обочин голубели колокольчики.

В Хендоне было несколько десятков симпатичных коттеджей, сравнительно недавно отстроенное поместье и даже дом призрения – обширное красного кирпича здание. Здесь же располагалась маленькая гостиница, во дворе которой царил такое оживление, что Мак предпочел возле нее не останавливаться, а направиться к увитой плющом старой церквушке с высокой каменной башней. Там он рассчитывал узнать, где находится коттедж Малкольма.

То, что Малкольм живет не в Лондоне, было для Мака и Джорджины полной неожиданностью. Понадобилось целых три недели, чтобы отыскать мистера Уиллкокса, предполагаемого приятеля Малкольма, который, как оказалось, вовсе таковым не был. Однако он дал новую наводку, и наконец-то им, а точнее Маку, повезло, и он нашел человека, который знал, где находится Малкольм.

Пока Мак ежедневно по полдня трудился, чтобы заработать деньги на проезд и розыски Малкольма, Джорджина по его настоянию провела все три недели взаперти в своей комнате, читая и перечитывая единственную книгу, привезенную из-за океана. В конце концов книга ей настолько надоела, что она вышвырнула ее в окно, попала в одного из завсегдатаев таверны и едва не лишилась из-за этого комнаты. Это было единственное острое ощущение, которое она пережила за все время, и ей иногда хотелось лезть на стену или выбросить из окна что-нибудь еще, чтобы как-то оживить монотонно текущие дни. И вот наконец накануне вечером появился Мак и принес весть о том, что Малкольм живет в Хендоне, и через считанные минуты она встретится с ним.

Волнение ее достигло предела. Утром она готовилась к этой минуте дольше, чем потребовалось времени, чтобы доехать сюда, хотя обычно своей внешности уделяла мало внимания. Джорджина надела свой лучший наряд, который привезла с собой, – желтое платье и короткий, подобранный в тон жакет. Жаль, что платье слегка помялось во время езды. Густые каштановые волосы она аккуратно запрятала под шелковую – тоже желтую – шляпку, хотя несколько завитков падали ей на щеки и лоб. Лицо ее разрумянилось, губы приобрели цвет вишни.

Эффектно восседая на старой кляче, Джорджина смотрела по сторонам, привлекая внимание Хэмпстеда. Однако она ничего этого не замечала, будучи занята мыслями и воспоминаниями о Малкольме. Хотя эпизодов, связанных с ним, было не столь уж много, они ей были весьма дороги.

Она познакомилась с Малкольмом Камероном в тот день, когда прыгнула в воду с борта корабля Уоррена, потому что ей надоели поучения брата, и шестеро рабочих дока бросились ее спасать. Половина из них плавали не лучше ее, а Малкольм находился на пристани рядом со своим отцом, и ему хотелось выглядеть героем. В итоге Джорджина выбралась из воды сама, а Малкольма пришлось спасать. Но его поступок произвел на нее сильное впечатление. Ему тогда было четырнадцать, ей двенадцать лет, и она решила, что он самый красивый, самый удивительный мальчишка на свете.

Эти чувства не претерпели особых изменений в последующие годы, хотя ей пришлось напомнить о том, кто она, когда они встретились с Малкольмом в следующий раз. А потом был вечер у Мэри Энн, где Джорджина пригласила Малкольма на танец и наступила ему

на ноги несколько раз. Малкольму было шестнадцать, он за это время возмужал, и хотя и помнил Джорджину, но, похоже, его более интересовала его ровесница Мэри Энн.

Конечно, Джорджина не собиралась его присваивать на весь вечер и ни одним намеком не выдала, что ее симпатия переросла в любовь. Прошел еще год, прежде чем она надумала предпринять кое-какие шаги, причем действовала при этом весьма расчетливо. Малкольм продолжал оставаться лучшим мальчишкой в городе, но перспективы у него были не самые радужные. Джорджина узнала, что Малкольм мечтал стать капитаном собственного судна. Для этого ему нужно было очень много и упорно трудиться. Ей, как и всем братьям, светило отличное приданое – собственное судно по достижении восемнадцатилетнего возраста. Правда, она не могла по примеру братьев быть капитаном этого судна, но это место мог бы занять ее муж, и она сделала так, чтобы Малкольму стало об этом известно.

Ход был весьма точно рассчитан, и она даже испытывала некоторые угрызения совести, в особенности когда замысел сработал. Малкольм начал за ней ухаживать за несколько месяцев до ее шестнадцатилетия, а в день рождения сделал предложение. Ей шестнадцать, она влюблена без памяти и счастлива! Неудивительно, что Джорджина сумела быстро забыть о подспудном чувстве вины из-за того, что купила себе мужа. В конце концов никто Малкольму рук не выкручивал. Он получил то, что хотел, так же как и она. И потом, она была уверена, что определенные чувства к ней он испытывал и что они разовьются и в конечном итоге сравняются по силе с ее чувствами. Так что все шло нормально, если бы не англичане, черт бы их побрал.

Ее братья предприняли попытку вмешаться. Она узнала, что они пошли ей навстречу и позволили состояться помолвке в шестнадцать лет, рассчитывая, что до достижения восемнадцати лет она десять раз передумает. Однако Джорджина их перехитрила. После окончания войны братья неоднократно пытались уговорить ее забыть Малкольма и найти другого мужа, тем более что в предложениях не было недостатка. Как-никак, а приданое у нее было знатное. Однако она хранила верность своей единственной любви, несмотря на то что становилось все труднее объяснять и оправдывать тот факт, что Малкольм не возвратился к ней, хотя прошло уже четыре года после окончания войны. Но наверняка у Малкольма имелась веская причина для этого, и сегодня она наконец ее узнает и еще до отъезда из Англии выйдет замуж.

– Это должно быть здесь, девочка.

Джорджина устремила взгляд на небольшой уютный коттедж с побеленными стенами и ухоженными клумбами, на которых росли розы. Она нервно передернула плечами и даже не шевельнулась, когда Мак протянул ей руки, чтобы помочь спешиться.

– Может, его нет дома?

Мак ничего не сказал, терпеливо стоя с протянутыми руками. Из трубы дома шел дым, и оба хорошо это видели. В коттедже явно кто-то был. Джорджина нервно прикусила губу, затем расправила плечи. В конце концов чего ей нервничать? Выглядела она отлично, гораздо лучше, чем когда ее в последний раз видел Малкольм. И он, конечно же, будет рад, что она разыскала его.

Джорджина позволила Маку снять ее с лошади и пошла вслед за ним к двери по выложенной красным кирпичом дорожке. Неплохо бы несколько секунд передохнуть, чтобы дать успокоиться сердцу, но Мака такие мелочи не волновали. Он энергично постучал в дверь, а затем открыл ее. И в то же мгновение Джорджина увидела в дверном проеме Малкольма Камерона. Она успела подзабыть его лицо, но сейчас вспомнила, тем более что оно практически не изменилось, только под глазами появилось несколько типичных для моряка морщинок. Казалось, что он остался в том же возрасте; во всяком случае, он выглядел моложе двадцати четырех, правда, заметно подрос. Малкольм был не меньше шести футов, примерно такого же роста, как и Джеймс. Господи, и чего ради она вдруг приплела сюда Джеймса? Но,

вытянувшись вверх, он не раздался в ширину, оставшись стройным, даже несколько долговым. Слишком широкая грудь и узловатые мускулистые руки Джорджине никогда не нравились.

Малкольм выглядел изящным, даже более чем изящным. Он оставался по-прежнему красивым. Джорджина не сразу заметила у него на руках белокурую сероглазую девочку лет двух. Взгляд Джорджины был устремлен на Малкольма, который также смотрел на нее и, похоже, не узнавал. Но он должен узнать ее. Ведь не настолько же она изменилась. Конечно, он был удивлен, но это вполне естественно. Меньше всего он мог ожидать, чтобы на пороге его коттеджа появилась Джорджина.

Ей следовало что-то сказать, но голова работала плохо. Малкольм перевел взгляд на Мака. Выражение лица его быстро изменилось, появилась приветливая улыбка, свидетельствующая, что он узнал Мака. Это неприятно задело девушку, которая совершила столь долгое путешествие, чтобы найти его.

– Йен Макдонелл? Да неужто ты?

– Да, парень, это я, собственной персоной.

– В Англии? – Малкольм недоверчиво покачал головой, затем хмыкнул. – Не могу в это поверить! Ну заходи же! Черт побери, вот так сюрприз!

– Да, сюрприз. Причем для всех нас, я так думаю, – глухо сказал Мак, глядя при этом на Джорджину. – У тебя есть что сказать, девочка?

– Да. – Джорджина вошла в маленький холл и окинула его беглым взглядом. Затем ее глаза вновь остановились на женихе, после чего она без обиняков спросила: – А чей это ребенок, Малкольм?

Мак кашлянул и поднял глаза к потолку, словно необструганные бревна представляли для него величайший интерес. Малкольм нахмурил брови и спустил девочку на пол.

– Я с вами знаком, мисс?

– Ты и в самом деле меня не узнаешь? – с огромным облегчением спросила Джорджина.

– А разве я должен вас узнать? – еще более озадаченно произнес Малкольм.

Мак снова кашлянул. Или поперхнулся на сей раз? Джорджина с неодобрением взглянула в его сторону, после чего изобразила, пожалуй, самую ласковую и нежную улыбку в своей жизни.

– Да, должен, но я прощаю тебя за то, что ты меня не узнаешь. В конце концов, это было так давно, и мне говорили, что я здорово с тех пор изменилась. Теперь я и в самом деле в это поверю. – Она нервно засмеялась. – Мне несколько неловко, что я должна представляться тебе. Я Джорджина Андерсон, Малкольм, твоя невеста.

– Малышка Джорджи? – Малкольм засмеялся, но смех его прозвучал сдавленно и неестественно глухо. – Не может быть. Джорджи?

– Уверяю тебя...

– Но этого никак не может быть! – воскликнул он, но в его словах звучало не сомнение, а ужас. – Такая красавица! Ведь она не была... то есть она не выглядела столь... Да ведь никто не может до такой степени измениться.

– Не могу с тобой согласиться, – довольно жестко сказала Джорджина. – Это произошло не за одну ночь, как ты понимаешь. Если бы ты постоянно видел меня, ты бы наблюдал постепенные перемены... но тебя ведь не было... Клинтон, который отсутствовал три года, был поражен переменами, но все же узнал меня.

– Но он твой брат! – возразил Малкольм.

– А ты мой жених! – парировала она.

– О Боже мой, я надеюсь, ты не думаешь... Это было сколько... пять или шесть лет назад? Я даже подумать не мог, что ты меня ждешь... И потом эта война... Она все изменила, разве ты не понимаешь?

– Нет, не понимаю. Ты находился на английском судне, когда началась война, но не по своей вине. Ты оставался американцем.

– В том-то и дело... Я никогда не считал себя американцем. Это мои родители хотели осесть в Америке, а не я.

– Что ты хочешь этим сказать, Малкольм?

– То, что я англичанин и всегда им был. Я так и сказал, когда меня завербовали, и они поверили, что я не дезертир. Мне позволили наняться матросом на судно, что я с радостью и сделал. Мне было все равно, с кем плавать. Постепенно я сделал карьеру. Сейчас я второй помощник на...

– Мы знаем название твоего судна, – перебила его Джорджина. – Благодаря этому и нашли тебя, хотя нам понадобился целый месяц. У вас учет и регистрация поставлены из рук вон плохо, тут американцы здорово превосходят вас. Мои братья всегда знают, где можно найти любого члена команды, когда он на берегу... Ну да это просто к слову. Значит, ты встал на сторону англичан! Четверо из моих братьев были каперами во время войны, и ты мог убить любого из них!

– Спокойней, девочка, – вмешался Мак. – Ты ведь знаешь, что он вынужден был воевать против нас.

– Да, но он это делал добровольно! Ведь он настоящий предатель!

– Нет, он говорит о любви к стране, где родился. За это нельзя винить человека.

Да, нельзя, как бы она того ни хотела. Проклятые англичане! Как она ненавидела их! Они не только выкрали Малкольма, но и полностью переделали его. Он был теперь англичанином и, по всей видимости, гордился этим. Но он был еще и ее женихом. А война как-никак уже закончилась.

Лицо у Малкольма полыхало – то ли от смущения, то ли от досады за прозвучавшее в словах Джорджины презрение. У Джорджины щеки тоже разругались. Да, не так представляла она себе встречу с женихом.

– Мак прав, Малкольм. Я сожалею, что приняла так близко к сердцу то, что... в общем, уже не имеет значения. Ничего не изменилось. Мои чувства остались прежними. И доказательство тому то, что я здесь.

– А почему ты сюда приехала?

Джорджина несколько секунд молча смотрела на него, затем ее глаза сузились до щелок.

– Почему? Но ответ очевиден! Вопрос в другом: зачем мне нужно было приезжать сюда? Однако на это ответить можешь только ты. Почему ты не вернулся в Бриджпорт после войны, Малкольм?

– Для этого не было причин.

– Не было причин? – Она задохнулась от гнева. – Позволю не согласиться. Был такой пустячок – мы собирались пожениться... Или ты предпочел позабыть об этом?

Малкольм с трудом выдержал ее взгляд.

– Я не забыл. Но я не думал, что ты все еще ждешь меня, поскольку я стал англичанином, и все такое прочее...

– Ты просто больше не хотел меня, поскольку я американка? – поставила вопрос ребром Джорджина.

– Дело не в этом, – возразил он. – Честно говоря, я не предполагал, что ты ждешь меня. Мой корабль потерпел крушение. Я думал, что ты считаешь меня погибшим.

– В моей семье все моряки, Малкольм. Информация, которую мы получаем, обычно бывает точной. Да, твой корабль потерпел крушение, но погибших не было. Мы знали об этом. Мы лишь не знали, что было с тобой после того, как... как совсем недавно тебя видели на «Погроме». Я готова допустить, что ты мог колебаться в отношении того, ждешь тебя неве-

ста или нет. Но в таком случае было бы правильным выяснить это. Если ты не хотел приезжать, то мог бы написать. Сейчас связи между странами возобновились. В нашем порту всегда можно увидеть один-два английских корабля.

Она чувствовала, что излишне саркастична, но была не в силах совладать с собой. Подумать только, сколько еще лет могла она ждать этого человека, который вовсе не собирался возвращаться к ней! Она была уязвлена, не желала слушать его объяснений, а он не имел сил даже взглянуть на нее.

– Я написал тебе письмо.

Джорджина понимала, что это ложь, попытка успокоить ее уязвленное самолюбие, трусливый способ как-то выйти из неприятной ситуации. Малкольм не знал, что она давно поступилась гордостью, когда решилась купить его. Его извинения никак не способны поправить дело.

В ней не было гнева, она просто была страшно разочарована в нем. Стало быть, он не был совершенным, не был внимательным или даже по-настоящему честным. Она загнала его в угол, и он пытался врать, щадя, как ему казалось, ее гордость. Но это вряд ли можно отнести к его достоинствам.

– По-видимому, Малкольм, твоему письму не суждено было дойти до меня. – Она слушала, как Малкольм засопел, и ей захотелось пнуть его ногой. – Должно быть, ты написал, что остался живым и здоровым после войны?

– Да.

– И что ты стал патриотом другой страны в отличие от меня?

– Да, именно.

– И с учетом этого ты освобождаешь меня от обязательств, которые накладывает помолвка.

– Ну, я...

– Или же ты выражал надежду, что все-таки соединишься со мной?

– Ну, я, конечно...

– И потом ты решил, что я не выйду за тебя замуж, когда не получил от меня ответа?

– Именно так.

Джорджина вздохнула:

– Как жаль, что письмо не дошло. Потеряно столько времени.

– Что ты хочешь сказать?

– Чем ты так удивлен, Малкольм? Я все еще собираюсь за тебя замуж. Именно поэтому я здесь. Но только не жди, что я буду жить в Англии. Этого я не сделаю даже ради тебя. Но ты можешь приезжать сюда сколько тебе угодно. Как капитан моего судна «Амфитрита» ты можешь торговать исключительно с Англией, если на то будет твое желание.

– Я... я... Господи, Джорджи... Я...

– Малкольм! – В дверях появилась молодая женщина. – Что же ты не говоришь мне, что у нас гости? – Повернувшись к Джорджине с приветливой улыбкой, она представилась: – Я Мэг Камерон, мадам. А вы из усадьбы? Они, видимо, снова устраивают праздник?

Джорджина некоторое время смотрела на женщину, затем на выглядывающего из-за ее юбки мальчика лет пяти, у которого были черные, как у Малкольма, волосы, голубые, как у Малкольма, глаза и красивое, как у Малкольма, лицо. Затем она перевела взгляд на отца мальчика, который стоял с мученическим выражением лица.

– Твоя сестра, Малкольм? – самым приятным тоном спросила Джорджина.

– Нет.

– Я тоже думаю, что нет.

Глава 6

Не простившись, не высказав каких-либо пожеланий и даже не послав жениха к черту, Джорджина повернулась и вышла из маленького белого коттеджа, расставшись навсегда с надеждами и девичьими мечтами. Она слышала, как заговорил Мак, очевидно, принося извинения Мэг Камерон за невежливость Джорджины. Затем он догнал ее и помог взобраться на лошадь.

Мак ничего не сказал Джорджине до тех пор, пока они не выехали из деревни. Джорджина пыталась выжать хоть какую-то скорость из бедного животного, но тщетно. У Мака же было время внимательно рассмотреть спокойное лицо Джорджины. Он отличался скверной привычкой говорить напрямик то, что он думает, даже тогда, когда эта прямота неуместна.

– Почему ты не плачешь, девочка?

Она хотела было проигнорировать его слова и если бы так решила, Мак никогда ничего не добился бы от нее. Однако то, что клокотало у нее внутри, требовало выхода.

– Я слишком зла сейчас. Этот жалкий подонок женился, по всей видимости, в первом же порту, задолго до окончания войны. Неудивительно, что он стал патриотом Англии. Это все его женитьба!

– Да, возможно. Хотя могло быть и по-другому.

– Да какая теперь разница? Пока я сидела дома и тосковала о нем, он женился, наделал детей и прекрасно проводил время.

Мак кашлянул.

– Конечно, ты потеряла время, это верно, но ты не тосковала.

Джорджина возмущенно фыркнула, досадуя, что ее не поняли.

– Я любила его, Мак.

– Ты любила свою мечту о том, что он будет твой. Парень он красивый. Это была твоя детская фантазия. Тебе давно следовало расстаться с ней. Если бы ты не была такой упрямой, все давно и разрешилось бы.

– Это не...

– Не перебивай меня! Если бы ты его любила по-настоящему, ты сейчас бы плакала, а уж злилась бы потом, а не наоборот.

– У меня все плачет внутри, – сурово сказала она. – Просто вы не можете этого видеть.

– Спасибо, что пощадила меня. Не могу выносить женских слез.

Джорджина бросила на него испепеляющий взгляд.

– Мужчины все на одну колодку. В вас чувств, как у... каменной стены!

– Если ты ищешь моего сочувствия, ты его не дождешься, девочка. Вспомни, что еще четыре года назад я советовал тебе забыть этого мужчину. Не я ли говорил тебе, что ты будешь жалеть, если приедешь сюда? Вот оно, твое упрямство! И что в итоге?

– Разочарование, унижение, сердечная боль...

– И обман.

– Зачем вы делаете пилюлю еще горше? – взорвалась Джорджина.

– Ради самосохранения, голубушка. Я сказал тебе, что не выношу слез. А пока ты на меня кричишь, ты не станешь рыдать на моем плече... Ой, ради Бога, не делай этого, Джорджи! – всполошился Мак, увидев, как сморщилось ее лицо. Слезы хлынули мощным потоком, и Мак вынужден был остановить лошадей и протянуть Джорджине руки.

Она перебралась к Маку и уткнулась ему в плечо. Однако ей было недостаточно просто поплакать. Распиривший ее гнев вырывался наружу всхлипами и воплями.

– Эти красивые дети должны были быть моими, Мак!

– У тебя будут свои, целый выводок!

– Не будут! Я слишком старая!

– Это в двадцать два года? – Внезапно он кивнул и, сдерживая улыбку, сказал: – Вообще-то, конечно, старая.

Джорджина подняла голову:

– Ну вот, нашли с чем соглашаться!

Рыжие брови Мака поднялись в притворном удивлении.

– Разве я согласился?

Джорджина фыркнула и снова запричитала:

– Ну почему эта женщина не появилась на пару минут раньше, пока я еще не сваляла дурака и не сказала этому кобелю, что все еще хочу выйти за него замуж.

– Ты говоришь, что он кобель?

– Самый мерзкий и самый гадкий!

– Ну вот, теперь ты сказала все, что хотела сказать ему. Ты отомстила, если только ты хотела мести.

– Это какая-то мужская логика, которую не в состоянии понять женский разум! Я не отомстила ему! Я испытала унижение!

– Нет, ты показала ему, что он потерял в твоём лице. Он потерял девчонку, которую не узнал, потому что она стала красавицей. Потерял корабль, которым мог бы командовать, а стало быть, потерял свою мечту. Да он наверняка кусает сейчас себе локти и клянет себя последними словами!

– Ну, корабль он, может, и потерял. А что касается меня... У него есть работа, которой он гордится, красивые дети, приятная жена...

– Приятная, верно, но не Джорджина Андерсон, владелица «Амфитриты», одна из совладелец компании «Скайларк лайн». Пусть она и не принимает участия в управлении, но имеет одинаковые со всеми паевые доходы. И опять же все считают ее самой красивой девушкой на всем восточном побережье.

– И это все?

– А разве тебе этого мало?

– Нет. Девчонка может быть красивой сейчас, но она не всегда была такой. И потом, какой от этого толк, если она попусту растратила свои лучшие годы? – Мак попытался что-то возразить, но она не дала ему вставить слово. – И пусть даже у нее есть собственные деньги, и довольно кругленькая сумма, но сейчас ей не на что даже купить билет домой. И как бы она ни выглядела, факт остается фактом: она обыкновенная легковверная дурочка, совсем не разбирается в людях, и ума у нее ни на грош.

– Ты уже повторяешься. Дурочка, ума ни на грош...

– Не перебивайте меня.

– Как тебя не перебивать, если ты несешь сущий вздор! Ну вот, ты перестала лить слезы, а теперь постарайся увидеть во всем этом светлые стороны.

– Да их просто нет!

– Это ты зря! Подумай сама: разве была бы ты счастлива с таким гадким... кобелем?

Джорджина попыталась улыбнуться, но губы у нее дрожали, и улыбка не получилась.

– Я очень признательна, Мак, за то, что вы пытаетесь сейчас меня утешить, но это вряд ли поможет. Я сейчас хочу только одного – скорее оказаться дома, и дай Бог, чтобы больше никогда мне не встретился ни один англичанин со своей омерзительной правильной речью, со своей хваленой выдержкой и своими вероломными сыновьями.

– Как это ни прискорбно, голубушка, но в любой стране можно встретить вероломных сыновей.

– В каждой стране есть и своя Каменная Стена, но я не намерена выходить за эту стену замуж.

– Замуж за стену? Ты опять несешь какую-то чушь. Что это еще за каменная стена?

– Ах, Мак, отправьте меня поскорее домой! Найдите побыстрее корабль... Любой! Не обязательно американский, лишь бы он отправлялся в Америку, и поскорее. Можете заложить мой перстень, чтобы купить билет.

– Да ты в своем уме, девочка? Его подарил тебе твой отец. Он привез его из...

– Ну и что? – строптиво возразила Джорджина. – А вы что, намерены промышлять разбоем? У нас нет другого способа добыть деньги на билеты. Я не собираюсь оставаться здесь, пока их удастся заработать. И потом, кольцо всегда можно выкупить назад, когда мы доберемся до дома.

– Ты слишком скоропалительно решила приехать сюда. Надо учиться на ошибках, а не повторять их.

– Не надо призывать меня к терпению. Я терпела целых шесть лет, и в этом как раз и заключалась моя самая большая ошибка. Отныне я буду во всем проявлять нетерпение.

– Джорджи, – начал было Мак.

– Зачем вы спорите со мной? Пока мы не отплывем, рядом с вами будет находиться постоянно рыдающая женщина! Мне казалось, что вы терпеть не можете женских слез!

«Женское упрямство – это еще хуже», – подумал Мак.

– Ну, если ты так ставишь вопрос, – сказал он со вздохом.

Глава 7

Лес мачт без парусов на фоне неба в Лондонском порту отнюдь не служил гарантией того, что из этого огромного количества судов хоть одно в ближайшее время возьмет курс на Америку. Конечно, можно считать, что такое судно найдется, можно даже биться об заклад. Но Джорджина проиграла бы пари, если бы вздумала его держать.

Большинство из тех кораблей, которые прибыли в прошлом месяце и на одном из которых приплыла Джорджина, уже покинули порт. Если сбросить со счета те суда, которые не брали пассажиров, то оставалось всего несколько американских кораблей, которые должны были уйти в плавание не раньше следующего года, что никак не могло устроить нетерпеливую Джорджину. В порту находилось судно, следующее прямым курсом в Нью-Йорк, что очень близко от Бриджпорта, но, по словам первого помощника, оно вряд ли выйдет в море в ближайшее время. Капитан судна вел осаду одной английской девицы и поклялся, что не поднимет паруса до тех пор, пока не женится на ней. Услышав об этом, Джорджина разорвала два своих платья и выбросила в окно ночной горшок.

Она отчаянно хотела немедленно покинуть Англию и готова была согласиться на восьми- или даже десятимесячное путешествие на любом из американских кораблей, лишь бы он вышел в море не позже чем через неделю. Когда она на третий день сказала об этом Маку, он через несколько часов назвал три английских корабля, которые выходили в море на следующей неделе. Раньше он не решался называть их Джорджине, полагая, что она сразу же отвергнет их по той простой причине, что они английские и укомплектованы английской командой, а неприязнь ко всему английскому у нее была не менее сильна, чем желание попасть поскорее домой. Поэтому даже сейчас Джорджина решительно и резко отказалась иметь дело с английскими судами. После этого, не без колебаний, Мак сообщил об альтернативном варианте:

– Есть одно судно, которое утром во время прилива выходит в море. Пассажиров капитан не берет, но им нужен боцман и... юнга.

В глазах Джорджины зажегся огонек, свидетельствующий о том, что ее это заинтересовало.

– Вы думаете, что на нем можно быстро добраться домой?

– Конечно, путешествие займет месяц или чуть больше, но все же это лучше, чем болтаться по морю полгода вместе с девчонкой, для которой главный жизненный принцип – проявлять нетерпение.

При этом Мак настолько выразительно закатил глаза, что Джорджина захихикала. Кажется, впервые после предательства Малкольма ей хоть что-то показалось смешным.

– Может, я не буду выражать нетерпение столь сильно, если мы будем на пути домой... Знаете, Мак, по-моему, это отличная идея! – с неожиданным энтузиазмом проговорила она. – А это американский корабль? Он большой? А куда направляется?

– Не торопись, девочка. Это совсем не такой корабль, как ты себе представляешь. Это «Дева Анна» из Вест-Индии, быстроходная трехмачтовая шхуна. Настоящая красавица! А по виду похожа на военный корабль, хотя и принадлежит частному лицу.

– Торговому кораблю из Вест-Индии нелишне иметь на борту оружие, у них наверняка случаются встречи с пиратами. В Карибском море постоянно нападают на корабли компании «Скайларк лайн».

– Это верно, – согласился Мак. – Но «Дева Анна» не торговое судно, по крайней мере в этом рейсе. На ней не будет никакого груза. Только балласт.

– Что это за капитан, который совершенно не заботится о прибыли? – спросила Джорджина, желая поддразнить Мака, тридцать пять лет плававшего на торговом судне.

Мак нетерпеливо фыркнул:

– Он из тех людей, которые плывут туда, куда их влечет душа. Так сказал один из членов его команды.

– Стало быть, он владелец судна и, значит, богат, если может держать его для собственного удовольствия?

– Похоже, что так, – согласился Мак.

– А какая нам разница, идет шхуна с грузом или без него? Главное, чтобы она доставила нас домой.

– Да, но тут есть заковыка. Судно идет на Ямайку, а не в Америку.

– На Ямайку? – разочарованно переспросила Джорджина. Но уже через мгновение радостно воскликнула: – Но на Ямайке есть представительства «Скайларк лайн»! Ведь это один из портов, куда заходит Томас. Мы можем оказаться там в одно время с ним. А если не успеем и его там уже не будет, найдутся другие суда «Скайларк лайн» – например, суда Бойда, Дрю, не говоря уж о моих. – Джорджина снова заулыбалась. – Это задержит нас самое большее на несколько недель. Но ведь не на полгода! Ведь это лучше, чем оставаться здесь хотя бы еще на один день.

– Не знаю, девочка... Чем больше я думаю о такой возможности, тем больше жалею, что сказал тебе о ней.

– А я наоборот: чем больше думаю об этом, тем больше мне нравится эта идея. Лучшего выхода не придумаешь.

– Но тебе придется работать, – напомнил ей Мак. – Тебе придется быть связным у капитана, подавать еду, убирать каюту и выполнять любые его поручения. Ты все время будешь занята.

– Ну и что? Или вы хотите сказать, что я не в состоянии выполнить элементарные поручения? Ведь я драила палубу, прочищала пушки, лазала по канатам...

– Это было столько лет назад, девочка! Тогда ты еще не была такой леди, как сейчас. Твой отец и братья, когда возвращались в порт, позволяли тебе делать на судне все, что хочешь. Они даже требовали, чтобы ты училась выполнять на судне работу, которую ты не должна делать. А здесь это будет твоя обязанность, и находиться ты будешь среди незнакомых людей. Это работа не для девчонки, тебе придется забыть, что ты девушка, если решишься ее выполнять.

– Я все отлично поняла, Мак. Мне нужно выбросить платье и надеть брюки. А когда наденешь брюки... Обрядите мальчика в женское платье, и вы увидите перед собой страшенькую девчонку. А девушка в брюках похожа на симпатичного мальчишку. Видно, я очень кстати разодрала вчера платье.

– Да тебе стоит только открыть рот или посмотреть кому-то в глаза, и твой маскарад сразу раскроется, – сурово напомнил Мак.

– Да, но в тот раз я пыталась выдать себя за мужчину, что было очень неумно с моим-то лицом. Да погодите вы! – пресекла Джорджина возможные возражения Мака. – Не надо все усложнять и запутывать! Тут дело обстоит иначе, и вы это понимаете. Юнга – это мальчик, а у мальчика могут быть тонкие черты лица. Так часто бывает. А по своему росту, фигуре, тембру голоса и... – Она бросила взгляд на свою грудь. – Если здесь туго забинтовать, я могу сойти за мальчика лет десяти.

– Да тебя выдает то, что ты слишком умна для десяти лет! – возразил Мак.

– Ну ладно, пусть я стану двенадцатилетним умненьким мальчиком с замедленным физическим развитием! – И совсем твердо добавила: – Я смогу это сделать, Мак. И если бы вы сами не верили в это, вы бы и не стали говорить мне о такой возможности.

– Я сделал большую глупость, теперь нисколько не сомневаюсь в этом. И как ты думаешь, кому отвечать за это?

– Ну-ну, успокойтесь! – улыбнулась Джорджина. – Завтра я стану маленьким парнишкой, и вы посмотрите на все с другой стороны. И к тому же чем быстрее я доберусь до дома, тем быстрее вы освободитесь от меня.

Мак крикнул.

– Все не так просто. Тебе придется играть эту роль месяц или даже больше. Проблема будет уже в том, чтобы найти место, где справить естественную нужду, когда вокруг мужчины.

– Мак! – Джорджина покраснела. Находясь в постоянном общении с пятью братьями, которые иной раз забывали о ее присутствии, она, случалось, сталкивалась с вещами, не предназначенными для глаз и ушей девушки. – Я не говорю, что не будет трудностей, но у меня хватит ума их преодолеть. Не в пример большинству девчонок, я знаю корабль как свои пять пальцев, знаю и те места, которые матросы стараются избегать. Меня не испугает трюм, облюбованный крысами. И потом, даже если обман раскроется... Ну что может случиться? Неужто вы всерьез думаете, что они меня выбросят за борт посреди океана? Да не сделают они этого! Скорее всего меня запрут в каюте, а когда судно зайдет в какой-нибудь порт, меня просто высадят на берег. Что ж, так мне и надо, если я не сумею хорошо сыграть свою роль.

Они спорили довольно долго, но в конце концов Мак сдался и со вздохом сказал:

– Ладно, будь по-твоему, попробую договориться с капитаном о работе в качестве боцмана бесплатно, но с условием, что возьму с собой брата.

Брови Джорджины полезли вверх, затем она расхохоталась:

– Брата? Без шотландского акцента?

– Ну, пусть единокровного брата, – скорректировал себя Мак, – который рос вдали от меня. Это снимает все вопросы, в том числе и по поводу разницы в возрасте.

– Но я поняла, что им требуется именно юнга! Они могут настаивать на этом. Я знаю, мои братья никогда не плавали без юнги.

– Я сказал, что попробую. У них еще будет полдня, чтобы найти другого мальчишку.

– Надеюсь, они не согласятся, – ответила Джорджина. И она от души этого хотела. – По мне лучше уж работать, чем бездельничать... Тем более если я буду изображать из себя мальчишку. А называться вашей сестрой мне явно не следует, потому что в этом случае они могут не взять вас боцманом и мы потеряем всякую возможность оказаться на борту этого судна. Нам надо уже сейчас все решить.

– У тебя нет мальчишеской одежды.

– Мы можем купить по дороге.

– Нужно отделаться от твоих вещей.

– Можно отдать их хозяину.

– А как быть с твоими волосами?

– Я их обрежу.

– Не смей! Да твои братья убьют меня!

Она порылась в чемодане и достала шерстяную кепку, в которой была в таверне.

– Вот! – помахала она кепкой перед носом Мака. – Перестаньте выдумывать всякие страхи! Пошли сию же минуту к капитану судна!

– Только не надо опять этого нетерпения! – ворчливо проговорил Мак.

Джорджина засмеялась и, открывая дверь, сказала:

– Мы еще не вышли в море, Мак. Завтра я перестану быть такой. Обещаю!

Глава 8

Сэр Мэлори знаком велел официанту подать вторую бутылку портвейна, откинулся на спинку кресла и посмотрел на старшего брата.

– Знаешь, Джеймс, честное слово, мне будет недоставать тебя. Тебе надо было сначала уладить все свои дела в Карибском море, а уж потом возвращаться домой. И сейчас тебе не пришлось бы затевать это путешествие.

– Откуда мне было знать, что передача недвижимости пройдет так легко? – возразил Джеймс. – Не забывай, я приехал домой только для того, чтобы свести счета с Иденом. Откуда я знал, что он собирался жениться и войти в наш семейный клан и что старики намерены восстановить меня в правах, когда я покончил с прошлыми делами?

– Старики получили в подарок еще одного племянника, это решило дело. Они чертовски сентиментальны, если дело касается семьи.

– А ты нет?

Энтони хмыкнул:

– Я тоже. Но ты не заставишь долго себя ждать, я надеюсь? И тогда все пойдет, как в старые добрые времена, когда ты был здесь.

– А ведь действительно тогда, в наши молодые годы, были славные времена.

– Помнишь, как мы увлекались одними и теми же женщинами? – улыбнулся Энтони.

– И оба получали одинаковые нагоняи от стариков...

– Братья желали нам добра. Джейсон и Эдди смолodu взяли на себя ответственность. Им некогда было резвиться.

– Нет нужды защищать их, брат, – ответил Джеймс. – Надеюсь, ты не думаешь, что у меня против них зуб? Откровенно говоря, я осуждал себя так же, как и вы меня.

– Я никогда тебя не осуждал, – запротестовал Энтони.

– Выпей, мой мальчик, – коротко сказал Джеймс. – Возможно, это поможет тебе освежить память.

– Уверю тебя, с памятью у меня все в порядке. Я пришел в ярость, когда ты исчез в то лето с Регги. Это было восемь лет назад. Ведь ты целых три месяца болтался на своем чертовом пиратском корабле, а девчонке было в то время всего двенадцать лет! Но после того, как ты вернулся с ней и я задал тебе хорошую взбучку, которую ты явно заслужил, я забыл об этом. А ты, кстати, воспринял взбучку без возмущения, и я до сих пор не пойму почему. Может, хоть объяснишь?

Джеймс поднял бровь.

– Ты считаешь, что я мог что-то сделать один против троих? Вы оказали мне больше доверия, чем я заслуживал, мой мальчик.

– Но ты даже не пытался драться в тот день. Может, Джейсон и Эдвард этого не заметили, но я слишком много раундов провел с тобой на боксерском ринге, чтобы не почувствовать этого.

Джеймс только пожал плечами.

– Я понимал, что заслуживаю осуждения. Раньше я думал, что это просто забавная шутка – увести ее из-под носа старшего брата. Я был зол на Джейсона, потому что он отказал мне даже в возможности видеть Реган после того, как я...

– Регги, – механически поправил Энтони.

– Реган, – упрямо повторил Джеймс, возобновляя старый спор с братьями относительно уменьшительного имени племянницы. Дело в том, что Джеймс всегда стремился поступать не так, как все, идти своим путем и следовать своим правилам. Сейчас оба вспомнили об этом и улыбнулись.

Однако Энтони пошел даже дальше по пути примирения:

– Ладно, пусть сегодня она будет Реган.

Джеймс хлопнул ладонью себе по уху.

– Мне показалось, что у меня что-то со слухом...

– Черт бы тебя побрал, – проворчал Энтони, не в силах, однако, сдержать улыбки. – Рассказывай дальше свою историю, пока я не заснул. Подожди-ка, тут есть еще одна бутылка.

– Ты хочешь снова оставить меня в дураках?

– Даже и в мыслях такого не было, – сказал Энтони, наполняя до краев бокалы.

– Я верю тому, о чем ты говорил мне прошлый раз, когда мы были у Уайтов. Но насколько я помню, твоему приятелю Амхерсту пришлось тащить домой нас обоих. Кстати, что по этому поводу сказала тебе твоя женушка?

– Так, пустяки, ничего интересного, – довольно кисло произнес Энтони.

Джеймс расхохотался, чем привлек внимание многих посетителей.

– Я, честное слово, не могу понять, куда девалась твоя утонченность, мой мальчик. Ты потерял расположение леди уже на второй день после женитьбы... А всего лишь из-за того, что не смог убедить ее, что девица из таверны, которая немножко поерзала у тебя на коленях, принадлежала не тебе в тот вечер. Конечно, чертовски не повезло, что красотка оставила длинный волос на лацкане твоего пиджака, а жену угораздило найти его. Но почему ты не втолковал Рослин, что в таверне оказался как раз из-за нее, потому что искал ее злосчастного кузена Камерона?

– Я говорил.

– А ты не сказал, что эта девица была моей, а не твоей?

Энтони упрямо покачал головой:

– Не говорил и не собираюсь. Достаточно того, что я сказал. Я объяснил, что ничего такого не произошло, что предложение с ее стороны было, но я отверг его. Это вопрос доверия... но не стоит беспокоиться о моей личной жизни. Моя шотландская женушка поймет. Я провожу в этом отношении работу. Так что давай вернемся к тому, в чем ты хотел исповедаться.

Джеймс потянулся за бокалом.

– Как я уже говорил, я был зол на Джейсона за то, что он не позволил мне видеть Реган.

– А разве мог он позволить? Ты уже два года занимался пиратством.

– В открытом море я мог быть каким угодно, но в душе оставался прежним, Тони. Однако он отказал мне в доверии как раз за мою любовь к морю, заявил, что я позорю семью, хотя никто ни в Англии, ни за ее пределами не знал, что капитан Хоук и Джеймс Мэлори, Райдингский виконт, одно и то же лицо. Джейсон твердо стоял на своем и не собирался уступать, поэтому что мне оставалось делать? Совсем ее не видеть? Реган мне как дочь. Мы все ее растили и воспитывали.

– Ты мог отказаться от пиратства, – резонно заметил Энтони.

Джеймс медленно улыбнулся.

– Покориться диктату Джейсона? Да ни за что! К тому же я получал чертовское удовольствие от игры в пиратов. Тут был риск, опасность, а главное – я снова приобщился к дисциплине, что благотворно сказалось на моем здоровье. Ведь до отъезда из Лондона я вел весьма безалаберный образ жизни. Да, мы развлекались, но весь интерес заключался в том, удастся ли забраться женщине под юбку. А когда ты уже забрался туда, то и интерес пропал.

Энтони рассмеялся.

– Знаешь, старик, просто проникаюсь к тебе симпатией, слушая этот рассказ.

Джеймс снова налил портвейна.

– Пей, дурачина. Твои симпатии возрастают пропорционально выпитому.

– Я никогда не напиваюсь. Пытался было объяснить это жене, но она не поверила...
Стало быть, ты уходил в море и вел чистую, здоровую жизнь пирата.

– Пирата-джентльмена, – уточнил Джеймс.

Энтони кивнул:

– Совершенно верно. Хотел бы только выяснить, в чем здесь отличие.

– Я никогда не топил корабли, не лишал их возможности оказать сопротивление. Давая судам шанс уйти, я упустил из-за этого немало лакомых кусков. Я никогда не претендовал на то, чтобы считаться удачливым пиратом, меня можно назвать лишь настойчивым.

– Черт бы тебя побрал, Джеймс! Для тебя это была лишь игра. Зачем же ты заставил Джейсона думать, что ты грабишь людей и скармливаешь их акулам?

– А почему бы нет? Да он будет чувствовать себя несчастным, если ему некого будет осуждать. Пусть уж лучше осуждает меня, чем тебя, потому что мне на это глубоко наплевать, а ты принимаешь все близко к сердцу.

– Ну и позицию ты занял! – саркастически проговорил Энтони.

– Ты считаешь? – усмехнулся Джеймс и опорожнил свой бокал. Энтони поспешил тут же наполнить его снова. – Не вижу ничего необычного.

– Это уж точно, – вынужден был согласиться Энтони. – Сколько я себя помню, ты всегда бросаешь вызов Джейсону и провоцируешь его.

Джеймс пожал плечами:

– Иначе жизнь была бы слишком пресной.

– Похоже, тебя забавляет, когда Джейсон выходит из себя.

– Он просто великолепен в такие моменты, тебе не кажется?

Энтони засмеялся:

– Ладно, теперь это больше не имеет значения. Тебя простили и снова приняли в лоно семьи. Но ты все еще не ответил на мой вопрос о той взбучке, которую я тебе задал.

Джеймс снова приподнял золотистую бровь.

– Разве? Наверное, из-за того, что ты перебил меня.

– Так все же что ты скажешь?

– Ну посуди сам, Тони. Ты только поставь себя на мое место, и ответ тебе будет сразу ясен. Я хотел, чтобы моя любимая племянница повидала свет, и она его повидала. Но в то же время я осознал и глупость содеянного еще до того, как привез ее домой. Дело даже не в том, что я не мог быть пиратом при ней. Дело в том, что море не дает гарантий. Штормы, другие пираты, враги, которых я нажил, да мало ли что! Хотя риск был минимальным, но все же был. И если бы что-то случилось с Реган...

– Господи, да неужто неисправимый Джеймс Мэлори испытывает чувство вины? Потому-то я и не мог тогда понять тебя, – рассмеялся Энтони.

Джеймс бросил неодобрительный взгляд на брата.

– А что я такого сказал? – невинно спросил Энтони. – Не придавай значения. Давай лучше выпьем. – Он снова налил в бокал из бутылки и задумчиво проговорил: – Понимаешь, одно дело, когда я беру к себе нашу дорогую девочку и представляю ее своим друзьям, а другое дело, когда она оказывается среди команды головорезов...

– Которые обожают ее и являют собой образец вежливости, когда она на борту.

– Да, с нашей помощью она получила хорошее воспитание.

– Вот только как случилось, что она связалась с таким прохвостом, как Иден?

– Но малышка любит его.

– Я это и сам вижу.

– Ладно, Джеймс, успокойся. Ты не любишь его из-за того, что он здорово похож на нас. Ни один из нас не подошел бы для Регги.

– Позволь с этим не согласиться. Это *ты* его не любишь за это. Что касается меня, то я невзлюбил его, когда он нанес мне оскорбление. Он уплыл восвояси, после того как повредил мою шхуну в море.

– Но ведь ты же первый напал на него, – заметил Энтони, кое-что слышавший о той морской баталии. Он знал даже о том, что в этом бою был ранен сын Джеймса, и это явилось причиной, из-за которой Джеймс покончил с пиратством.

– Это не важно, – упрямо сказал Джеймс. – Ко всему прочему он в прошлом году довел меня до решетки.

– После того как ты разукрасил ему физиономию. Надо отдать ему должное: если бы тебя не арестовали по его милости, то тебе бы не удалось так достоверно организовать «кончину» Хоука и сжечь за собой мосты. А теперь ты можешь спокойно ходить по улицам Лондона и не оглядываться по сторонам.

Сказанное заслуживало того, чтобы осушить еще по бокалу.

– С каких пор ты стал защищать этого молодого петуха?

– Господи, да неужто я защищаю его? – воскликнул Энтони, демонстрируя на лице ужас. – Прости меня, мой старший брат! Больше не повторится, можешь положиться на мое слово. Да он полное ничтожество!

– И он платит Реган за это чистой монетой! – расплылся в улыбке Джеймс.

– Каким образом?

– Если Реган вдруг узнает, что он затеял спор с кем-то из нас, она отправляет его спать на диван.

– Что ты говоришь?

– Честное слово! Она сама мне говорила. Ты должен почаще навещать эту парочку, пока я буду в море.

– Выпью за это! – засмеялся Энтони. – Иден на диване... Великолепно!

– Ситуация не более забавна, чем у тебя с твоей собственной женой.

– Давай не будем об этом.

– Не будем. Но я надеюсь, что все образуется, когда я через несколько месяцев вернусь, поскольку я тогда заберу Джереми, и у тебя не останется больше буфера. Останешься один на один со своей малышкой-шотландкой.

Энтони улыбнулся самоуверенной и чуть порочной улыбкой.

– Надеюсь, ты не станешь долго задерживаться?

Глава 9

Провожать Джеймса пришла вся семья: Джейсон и Дерек, Эдвард и весь его выводок, Энтони со своей шотландкой, которая выглядела несколько осунувшейся, что было вполне понятно, так как недавно она сообщила Энтони, что он станет отцом. Пострел Джереми пребывал в веселом расположении духа, несмотря на то что впервые за шесть лет, с тех пор как он отыскался, ему предстояла разлука с Джеймсом. Возможно, его радовало, что теперь за ним будет присматривать только дядя Тони. Правда, вскоре он поймет, что Джейсон и Эдди также не будут спускать с него глаз и держать его станут в большей строгости, чем в те времена, когда он находился на попечении Джеймса и его помощника Конрада.

Прилив положил конец прощанию. У Джеймса после вчерашнего болела голова, и он винил за это Энтони. Он едва не забыл о записке, приготовленной для малышки-шотландки, – разъяснение относительно красотишки из таверны, из-за которой она обвинила мужа в неверности. Джеймс подозвал Джереми и сунул ему записку.

– Передай это тете Рослин, но обязательно в отсутствие Тони.

Джереми сунул записку в карман.

– Это что, любовное послание?

– Любовное послание? – зарычал Джеймс. – Ах ты, щенок! Да я тебя...

– Знаю, знаю! – Джереми поднял вверх руки. – Все сделаю как надо.

Он сбежал вниз, не дожидаясь, пока его пропесочат за дерзость. Джеймс проводил его взглядом, повернулся и столкнулся лицом к лицу с Конрадом, первым помощником капитана и своим лучшим другом.

– В чем дело?

Джеймс пожал плечами, понимая, что Конрад видел, как он передавал Джереми записку.

– Я решил помочь ему.

– А я думал, что ты собираешься вмешиваться в их дела, – сказал Конни.

– В конце концов, разве он не брат мне? Хотя не стоило заботиться о нем после того, как он до такой степени упоил меня. – Увидев вопросительно поднятую бровь Конни, Джеймс, превозмогая головную боль, улыбнулся. – Чтобы я вот так мучился во время отплытия. Вот скотина!

– Но ты ведь не возражал?

– Нет, конечно... Словом, Конни, тебе придется самому поднимать якорь. Я буду в каюте. Сообщишь мне, когда выйдем в море.

Час спустя Конни, войдя в капитанскую каюту, налил себе виски и присоединился к сидящему за письменным столом Джеймсу.

– Ну что, будешь тосковать по своему мальчику?

– По этому негоднику? – Джеймс покачал головой и зажмурился от головной боли, затем глотнул тоника, который до этого принес ему Конни. – Тони проследит, чтобы Джереми не попал в какую-нибудь передрагу. Если кто и будет скучать по нему, так это ты.

– Пожалуй, что так.

– Докладывай, сколько человек на борту.

– Восемнадцать. С пополнением команды проблем не было. Только с боцманом вышла заминка, как я уже говорил тебе.

– Так мы вышли без боцмана? На тебя ляжет тяжелая нагрузка, Конни.

– Да, так бы и было, но мне удалось найти в последний момент человека. Точнее, он сам вызвался. Он хотел, чтобы его взяли в качестве пассажира. Его и брата. Когда я объяснил

ему, что «Дева Анна» не берет пассажиров, он предложил себя на время рейса в качестве боцмана. Более настойчивого шотландца мне видеть не приходилось.

— Опять шотландец? Что-то их слишком много в последнее время. Я чертовски счастлив, что твои шотландские корни настолько глубоки, что ты их не помнишь, Конни. Я еще хорошо помню охоту за кузеном леди Рослин и эту маленькую ведьму с сопровождающим ее шотландцем.

— Я думал, ты уже забыл об этом.

Вместо ответа Джеймс бросил на Конни сердитый взгляд.

— Кстати, а этот шотландец хоть что-нибудь смыслит в парусах?

— Я проверил и должен сказать, что дело он знает. Говорил, что плавал как интендант, корабельный плотник и боцман.

— Хорошо, коли так. Даже очень хорошо. Что-нибудь еще?

— Джонни женился.

— Джонни? Мой юнга Джонни? — В глазах Джеймса вспыхнули гневные искорки. — Боже милостивый, да ему всего пятнадцать лет! Он соображает, что натворил?

Конни пожал плечами.

— Говорит, что влюбился и не может оставить малышку-жену.

— Малышку-жену? — насмешливо повторил Джеймс. — Да этому сосунку нужна мать, а не жена. — В голове снова больно застучало, и он сделал еще глоток тоника.

— Я нашел тебе другого юнга. Брат Макдонелла.

Тоник выплеснулся на стол.

— Кто? — переспросил сдавленным голосом Джеймс.

— Господи, да что это такое с тобой?

— Ты сказал «Макдонелл»? А зовут его, случайно, не Йен?

— Точно, Йен. — Глаза Конни вдруг расширились. — Бог мой, это не тот шотландец из таверны?

Джеймс пропустил вопрос Конни мимо ушей.

— А ты хорошо рассмотрел его брата?

— Да честно говоря, не очень. Такой маленький, тихий парнишка, прятался за спину старшего брата. У меня не было выбора, потому что Джонни только два дня назад заявил, что остается на берегу. А ты думаешь, что...

— Думаю! — Джеймс внезапно расхохотался. — Господи, Конни, потрясающе! Я с ног сбился, гоняясь за этой маленькой ведьмой, но они оба как сквозь землю провалились. А теперь на тебе — она сама мне на колени упала.

Конни хмыкнул:

— Что ж, я вижу, тебе предстоит приятное путешествие.

— В этом ты можешь быть уверен, — по-волчьи оскалился Джеймс. — Но мы не будем ее сразу разоблачать. Вначале я хочу поиграть с ней.

— Ты можешь и ошибиться. А вдруг она окажется все-таки мальчишкой?

— Сомневаюсь. Но я это выясню, как только она приступит к выполнению своих обязанностей.

Когда Конни вышел, Джеймс удобно расположился в мягком кресле. Он продолжал улыбаться, все еще не решаясь поверить подобному стечению обстоятельств.

Конни сказал, что вначале они хотели заплатить за проезд, стало быть, деньги у них были. Почему им было не отправиться на другом судне? Джеймс знал, что по крайней мере два английских судна в ближайшее время отправляются в Вест-Индию, причем на одном из них оборудованы места для пассажиров. Зачем надо переодевать девчонку и подвергать ее риску, когда в любой момент этот маскарад может быть раскрыт? Действительно ли она переодета? Черт возьми, когда он видел ее в прошлый раз, она тоже была в мужском костюме.

Похоже, это для нее привычно... хотя нет, тогда она очень рассердилась, когда Тони заявил, что это не мужчина, а женщина. Она скрывала свой пол тогда и собирается – или надеется – скрыть его сейчас.

Юнга... Однако в мужестве ей не откажешь. Джеймс покачал головой и хмыкнул.

Интересно увидеть, как она думает все это сделать. Одно дело – находиться в плохо освещенной таверне, другое дело – быть постоянно здесь, на судне, в ясные, солнечные дни. Тем не менее, кажется, ей удалось обмануть Конни. Может, и Джеймс бы ничего не заметил, если бы не встречал ее раньше. Но он встречал ее и отнюдь не забыл эту встречу, даже очень хорошо ее помнил... миниатюрную спину и нежную грудь под своей рукой. У нее были тонкие черты лица, симпатичные щечки, пикантный носик, пухлые, чувственные губы. Он не рассмотрел ее бровей и волос, но когда он выносил ее из таверны, девчонка бросила на него взгляд, и он запомнил, что глаза у нее карие.

В течение целого месяца Джеймс неоднократно предпринимал попытки найти ее. Сейчас он понял, почему его поиски не увенчались успехом. Никто ничего не знал, потому что Йен и эта девчонка не жили в Лондоне и никогда раньше здесь не были. Можно биться об заклад, что они из Вест-Индии и сейчас возвращаются домой. Может быть, Макдонелл и шотландец, но эта ведьма явно не шотландка. Джеймс не мог определить ее акцент, но готов был поручиться, что она не из Англии.

В ней была какая-то тайна, которую он намерен разгадать. Однако вначале он собирался позабавиться и посмотреть на выражение ее лица, когда он скажет, что юнга должен спать в его каюте. Ему придется делать вид, что он не узнал ее, или позволить ей думать, что он вообще ничего не помнит о случае в таверне. Конечно, существовала вероятность того, что о таверне она и сама не помнила, но это не имеет значения. До конца путешествия она разделит с ним не только каюту. Она разделит с ним и ложе.

Глава 10

Камбуз был не самым лучшим местом, где можно спрятаться, тем более что стояло лето, а до океанских бризов было еще далеко. В открытом море будет попрохладнее, но сейчас, когда громадные кирпичные печки дышали жаром, а из котлов, в которых готовился обед, поднимался пар, здесь было душно, как в преисподней.

Повар и два его помощника сбросили с себя большую часть одежды. На камбуз то и дело забегали по одному или по двое члены команды, чтобы наскоро перекусить, поскольку часы отплытия на судне всегда напряженные и ответственные. Некоторое время Джорджина наблюдала за тем, как грузили съестные припасы и оборудование. Но для нее это не было внове и особого интереса не вызывало. Тем более что Англией она уже была сыта по горло.

Она тихонько устроилась в уголке на камбузе. Отсюда ей виден был тот угол, куда грузили бочонки со спиртным, большие бочки, мешки с зерном и мукой. Когда не осталось места на камбузе, припасы стали носить в трюм.

Если бы не изнурительная жара, Джорджине здесь даже понравилось бы, тем более что такого чистого камбуза она никогда в жизни не видела. Да и вообще все судно выглядело так, словно только что сошло со стапеля. Ей уже сказали, что его недавно капитально отремонтировали.

Место между печами занимал глубокий бункер, до краев наполненный углем. В центре стоял длинный, почти совсем новый стол и на нем – доска для разделки мяса. Как и на каждом камбузе, здесь были горшки, рундуки, кухонная утварь, надежно прикрепленные к полу, к стенам или потолку.

Хозяином всех этих богатств был черноволосый ирландец по имени Шон О’Шон. Он принял Джорджину за парня и ничего не заподозрил. Шон был доброжелательный малый лет двадцати пяти. Взглядом живых зеленых глаз он то и дело любовно окидывал свои владения. Он позволил Джорджине остаться на камбузе, однако предупредил, что может нагрузить ее работой. Джорджина не возражала, и ей то и дело что-то поручали делать, потому что помощники повара были заняты. Шон относился к числу тех, кто не прочь поговорить. Он готов был отвечать на любые вопросы, но, будучи сам новичком на судне, мало что мог рассказать о шхуне или капитане.

Из команды Джорджине пока что удалось повидать немногих, хотя вместе с Маком она провела ночь на борту. При этом она не столько спала, сколько делала вид, что спит. Возвращающиеся с берега подвыпившие матросы всю ночь шумели на полубаке, пытаясь в потемках найти свои койки. Какой уж там мог быть сон!

Насколько Джорджина поняла, команда состояла из людей самых разных национальностей, что неудивительно для судна, которое рыщет по всем морям и океанам, оставляя и набирая матросов в разных портах света. Конечно, среди них могут быть и англичане. И они действительно были.

Один из них – первый помощник Конрад Шарп, Конни, как называл его капитан. Говорил Конрад с характерным акцентом, сдержанно, почти как аристократ. Он был высокий и сухопарый, с рыжими, несколько более темными, чем у Мака, волосами и множеством веснушек на руках, да, видимо, и не только на руках. Однако на загорелом лице их совсем не было видно. Когда в первый раз он посмотрел на Джорджину своими светло-кариими глазами, она с замиранием сердца подумала, что ее маскарад не удался. Тем не менее он взял ее на корабль юнгой. Возможность всяких торгов он сразу исключил. Или вы плывете как члены команды, или не плывете вовсе, сказал он Маку. Джорджину это вполне устраивало, а Мак согласился с этим скрепя сердце.

Никаких минусов у Шарпа она, во всяком случае, пока что не обнаружила, но продолжала недолюбливать его исключительно из принципа. Конечно, это было несправедливо, но она исключает всякую справедливость по отношению к англичанам, которых причисляла к крысам, змеям и прочим отвратительным тварям. Впрочем, все эти чувства она держала при себе. Ни к чему наживать себе лишнего врага. Да и к врагам следует присмотреться повнимательнее. А пока что она всячески старалась избегать и его, и любых других находящихся на борту англичан.

Она еще не видела капитана Мэлори, потому что на камбузе он не появлялся. Джорджина понимала, что ей следует разыскать его, представиться, выяснить, есть ли у нее какие-то особые обязанности, помимо тех, которые обычно закреплены за юнгой. В конце концов, капитаны бывают разные. Дрю, например, требовал, чтобы каждый день его в каюте ожидала ванна, пусть даже из соленой воды. Клинтону нужно было перед сном подавать парное молоко, и на юнге лежала обязанность ухаживать за коровой. Юнга на судне Уоррена должен был всего лишь поддерживать чистоту в каюте, поскольку Уоррен всегда питался вместе с командой. Мистер Шарп перечислил обязанности юнги, но только капитан может сказать, что еще требуется от него.

Капитан все время был занят, а она никак не могла собраться с духом, чтобы представиться ему. А ведь в конце концов для нее главная задача – сыграть удачно роль именно перед ним, ведь он будет видеть ее чаще, чем кто-либо другой, а первое впечатление – самое важное, поскольку врезается в память и влияет на последующие суждения. И если при первой встрече все пройдет гладко, она может несколько расслабиться.

Время шло, а Джорджина не спешила начинать поиски капитана. Были всякие «но», которые удерживали ее в жарком камбузе. Одежда стала прилипать у нее к телу, волосы, забранные под плотный чулок и затем упрятанные под шерстяную кепку, взмокли. Если капитан не заподозрит в ней ничего необычного, все будет прекрасно. Но вдруг он окажется слишком проницательным? Если он раскроет обман еще до того, как они достигнут Английского канала, ее могут просто ссадить на берег. Еще хуже, если на берегу она окажется одна. В конце концов, боцман на судне нужнее, чем юнга. И если капитан не позволит Маку сойти вместе с ней или задержит его до тех пор, пока он не сможет это сделать, дела ее будут совсем плохи.

Поэтому пока Джорджина продолжала сидеть на камбузе, ее принимали за Джорджи Макдонелла. Ее мысли прервал Шон, поставив ей на колени тяжелый поднос с едой. Увидев серебряные приборы, она поняла, что еда предназначалась не для нее.

– Он в своей каюте? Уже пришел?

– Ты что, парень, с неба свалился? Да он все время у себя, как только взошел на борт. Говорят, у него страшно болит голова.

– Ой!

Проклятие, почему никто ей не сказал об этом? Что, если он уже искал ее и разозлился из-за того, что его никто не обслуживает? Хорошенькое может получиться начало!

– Тогда мне лучше... да, пожалуй.

– Конечно, и побыстрей. Боже мой, да поосторожней с подносом! Он что, слишком тяжел для тебя? Нет? Ну давай, иди. Да смотри успеешь вернуться, если он швырнет все это в тебя.

Посуда зазвенела на подносе, когда Джорджина стала проходить в дверь.

– А за что... Господи, а за что он станет швырять этим в меня?

Шон пожал плечами и широко улыбнулся.

– Откуда мне знать? Я пока еще и сам капитана в глаза не видел. Но когда у человека разламывается голова, от него можно всего ожидать. Так что имей в виду, парень, и не забывай про мой совет.

Великолепно! Заставить новичка нервничать сильнее, чем он нервничал до того. Джорджине в этот момент было невдомек, что мистера Шона О'Шона отличает тонкое чувство юмора, и он, дьявол его побери, просто-напросто шутил.

Путь до капитанской каюты показался страшно мучительным, тем более что справа по борту все еще была видна Англия. Джорджина старалась не смотреть в сторону берега, а пыталась взглядом отыскать Мака, надеясь, что если она перекинется с ним несколькими словами, то почувствует себя увереннее. Однако его нигде не было видно, а поднос тяжелел с каждым шагом, поэтому она отказалась от попыток разыскать Мака. К тому же любая задержка грозила обернуться неприятностями. Остывшая еда вряд ли доставит радость мрачному, измученному головной болью мужчине.

Джорджина остановилась перед дверью капитанской каюты и попробовала перенести тяжесть подноса на одну руку, чтобы высвободить другую и постучать в дверь. Она почувствовала, как страх пригвоздил ее к земле, как трясутся руки и колени и в такт им вибрирует поднос.

Она не должна так нервничать. Если случится самое худшее, это еще не будет концом света. У нее хватит изобретательности добраться домой каким-нибудь другим способом... даже одной.

Дьявольщина, почему она не удосужилась узнать о капитане хоть что-нибудь еще, кроме имени? Она не имела понятия, молодой он или старый, суровый или добродушный, любят ли его или просто уважают... а может, ненавидят. Ей доводилось слышать о капитанах, которые вели себя, как настоящие тираны. Надо было поспрашивать у кого-нибудь еще, если мистер О'Шон не смог ответить на ее вопросы. Впрочем, еще не поздно. Задержаться всего на несколько минут, переброситься парой слов с любым, кто ей встретится, и, возможно, она узнает, что капитан Мэлори – добрейшей души старикан и плавать под его началом – одно удовольствие. И тогда ноги перестанут дрожать, и она забудет про свои сомнения.

Но едва Джорджина повернулась, чтобы осуществить задуманное, как дверь капитанской каюты скрипнула и отворилась.

Глава 11

У Джорджины упало сердце. Поднос с едой едва не проделал то же самое, когда она резко повернулась, чтобы впервые увидеть капитана «Девы Анны». Но в дверном проеме стоял не капитан, а первый помощник, который, как ей показалось, успел оглядеть ее с ног до головы, хотя взгляд его светло-карих глаз был совсем недолгим.

– Ага, ты тот самый парнишка? Удивительно, что я не заметил тебя, когда принимал на работу.

– Наверное, потому, что вы сидели...

Слова застряли у нее в горле, когда первый помощник взял ее за подбородок и повернул лицом к свету. Джорджина побледнела от страха, хотя он, по всей видимости, этого не заметил.

– Ни малейшего пушка на лице, – сказал он, как ей показалось, пренебрежительным тоном.

Когда у Джорджины наконец восстановилось дыхание, она от лица юнги выразила возмущение.

– Мне всего лишь двенадцать лет, сэр, – ответила она.

– Однако в двенадцать лет мальчишки бывают и покрупнее. Клянусь, этот поднос почти с тебя ростом. – Он сжал руками ей предплечье. – Где у тебя мускулы?

– Я еще расту, – процедила Джорджина, приходя в бешенство от подобного осмотра. Ее страхи вдруг куда-то испарились. – Через шесть месяцев вы не узнаете меня. – Она говорила истинную правду, потому что к тому времени весь этот маскарад будет позади.

– У вас все в семье такие?

Джорджина насторожилась.

– Что вы имеете в виду?

– Твой рост, парень. А что я еще могу иметь в виду? Конечно же, не внешность, потому что у вас с братом нет ничего общего. – И он внезапно громко расхохотался.

– Я не вижу, что в этом смешного. Просто у нас разные матери.

– Вот как, а я думал, вы кое-чем еще отличаетесь. Разные матери, говоришь? И поэтому у тебя нет шотландского акцента?

– Я не думал, что должен рассказывать историю всей жизни за то, что меня взяли на работу.

– Ты что такой колючий, парень?

– Перестань, Конни, – услышала Джорджина чей-то низкий голос. – Мы ведь не хотим отпугнуть парня, не правда ли?

– Отпугнуть от чего? – хмыкнул первый помощник.

Джорджина прищурила глаза. Неужели она думала, что этот рыжий англичанин ей не нравится просто в принципе, просто лишь потому, что он англичанин?

– Еда остывает, мистер Шарп, – суровым тоном сказала она.

– Ну так входи, хотя я полагаю, что капитана интересует отнюдь не пища.

И вдруг Джорджина снова занервничала. Ведь только что она слышала голос капитана. Как могла она забыть, что он ждет ее? Хуже того, капитан наверняка слышал все, что она говорила, как дерзко она отвечала первому помощнику. Конечно, дерзость ее была вынужденной, но вряд ли извинительной. Ведь она здесь всего лишь юнга, а отвечала ему словно ровня, как если бы она была Джорджина Андерсон, а не Джордж Макдонелл. Еще парочка таких ошибок, и она может снимать с головы кепку и разбинтовывать груди.

После загадочных последних слов первый помощник жестом пригласил ее войти и ушел. Ей стоило немалых усилий сдвинуться с места, но когда это удалось, она едва не вле-

тела в дверь и смогла остановиться лишь у обширного дубового обеденного стола в центре помещения, за которым с комфортом могли расположиться не менее полдюжины членов команды.

Джорджина не подняла глаз от подноса даже тогда, когда поставила его на стол. Позади стола, у стены, на фоне иллюминаторов, или, скорее, окон из витражного стекла, маячила какая-то фигура. Джорджина не видела, а скорее угадывала эту фигуру, осознавая, что это и есть капитан.

Вчера, когда ей позволили познакомиться с судном, она пришла в восхищение от этих окон. Интерьер был поистине королевский. Джорджина никогда ни на одном корабле «Скай-ларк лайн» не видела ничего подобного.

Мебель поражала роскошью. Во главе длинного стола находилось единственное кресло в стиле первого французского ампира, сочетавшее в себе бронзу, красное дерево и красочную вышивку на белом фоне спинки и боковин. Кроме кресла, вокруг стола располагались пять стульев. Еще одним предметом, поражающим великолепием, был письменный стол, опирающийся не на ножки, а на массивные овальные пьедесталы, расписанные классическим орнаментом. Кровать, застланную белым шелковым покрывалом, можно было назвать подлинным шедевром итальянского Ренессанса. Бросались в глаза высокие резные стойки и еще более высокое изголовье.

Вместо обычного морского рундука в каюте стоял высокий шкаф из тикового дерева, похожий на тот, который ее отец подарил матери сразу после свадьбы, по возвращении с Дальнего Востока. Шкаф был украшен нефритом, перламутром и ляпис-лазурью. Неподалеку располагался комод из ореха на высоких ножках. А в простенке между ними висели современные часы, корпус которых был отделан эбонитом и бронзой. Отдельных полок на стенах не было, зато возвышался украшенный позолотой и резьбой шкаф, восемь полок которого были заставлены книгами. А за раздвигающейся ширмой, украшенной английскими пейзажами, в дальнем конце комнаты виднелась эмалированная ванна, сделанная, очевидно, по особому заказу, – длинная и широкая и, к счастью, не очень глубокая, поскольку Джорджине скорее всего придется таскать в нее воду.

Впечатление беспорядка создавали морские приборы, разложенные на письменном столе и рядом с ним. На полу стояла бронзовая статуя высотой около двух футов, а возле умывальника за ширмой – медный чайник. Лампы, все совершенно разные, были либо прикреплены к мебели, либо висели на крюках на стенах и на потолке.

Если к этому добавить, что каюту украшали картины и ковры, висевшие на стенах, то становилось ясно, что такую комнату логичнее представить во дворце губернатора, а никак не на судне. Но все это великолепие мало что могло рассказать Джорджине о капитане Мэлори, разве лишь то, что он отличался некоторой эксцентричностью и любил окружать себя красивыми вещами, не смущаясь мешаниной стилей.

Джорджина не знала, смотрит капитан на нее или в окно. Она пока что не решалась поднять на него глаза, но молчание становилось все невыносимее. Хорошо бы сейчас тихонько и незаметно уйти, если, конечно, он еще не обратил на нее внимание. Но почему он ничего не говорит? Ведь он знает, что она в каюте и готова выполнить все его приказания.

– Ваша еда, капитан... сэр.

– Почему ты говоришь шепотом?

– Мне сказали, что вы... то есть я слышал, что у вас раскалывается голова после вчерашнего переп... – Джорджина кашлянула и быстро поправилась: – У вас болит голова, сэр. Моего брата Дрю раздражают громкие звуки, когда накануне он... когда у него головная боль, сэр.

– Я думал, что твоего брата зовут Йен.

– У меня есть и другие братья.

– Один из моих братьев пытался вчера спойть меня. Его бы очень позабавило, если бы я не смог утром отправиться в плавание.

Джорджина едва не улыбнулась. Сколько раз ее братья проделывали друг с другом то же самое. Впрочем, доставалось от братьев и ей: то вместо горячего шоколада в своей чашке она обнаруживала ром, то ленточки ее чепчика оказывались завязанными каким-то нелепым узлом, то ее панталоны развевались на флюгере или, хуже того, на мачте судна другого брата, чтобы невозможно было найти виновника проделки. Похоже, озорники братья существовали повсеместно, а не только в Коннектикуте.

– Я вам сочувствую, капитан. Братья могут быть такими несносными.

– Именно.

Она услышала иронические нотки в его голосе, как если бы он счел ее замечание претенциозным, каковым оно в общем-то и было для двенадцатилетнего мальчишки. Ей надо основательно обдумывать все, что она собирается произнести. Ни в коем случае ни на минуту нельзя забывать, что ее поведение должно соответствовать поведению мальчишки. Но это было так нелегко – постоянно помнить об этом, тем более когда она окончательно пришла к выводу, что капитан говорит с английским акцентом. Факт весьма прискорбный. Она может избегать общения с другими англичанами на борту, но избежать общения с капитаном не в ее воле.

Размышляя об этом, она услышала слова капитана:

– Представься и позволь мне взглянуть на тебя.

Вот так. Две вещи сразу. Впрочем, акцент может быть искусственным. В конце концов, какое-то время он провел в Англии. Она заставила ноги оторваться от пола, обогнула стол и приблизилась к темной фигуре настолько, что в поле ее зрения оказались ботфорты. Поверх них были серые бриджи, обтягивающие крепкие, мускулистые ноги. Не поднимая головы, она умудрилась бросить взгляд повыше и увидела белую батистовую рубашку с пышными рукавами, туго застегнутые манжеты на запястьях. Однако поза Джорджины не позволяла ей увидеть ничего выше рубашки, и ей было ясно, что он очень высокий... и широкий.

– Выйди из моей тени, – продолжал руководить ее действиями капитан. – Встань чуть влево к свету. Вот так получше. – И внезапно спросил: – Ты что, нервничаешь?

– Это моя первая работа, сэр.

– И вполне понятно, что ты не хотел бы испортить первое впечатление о себе... Расслабься, мой мальчик... Я не откусываю головы младенцам. Только взрослым.

Это ради нее он позволил себе столь несерьезный тон?

– Рад слышать.

О Боже, с ее стороны это звучит довольно развязно. Следи за своим дурацким языком, Джорджи!

– Мой ковер настолько привлекателен?

– Сэр?

– Я вижу, ты не можешь оторвать от него глаз. Или тебе сказали, что я очень безобразен и ты превратишься в колоду, если взглянешь на меня?

Она едва не улыбнулась этой деликатной шутке, цель которой была помочь ей расслабиться, но вовремя спохватилась. Шутка и в самом деле снимала напряженность. Капитан тем временем продолжал ее рассматривать. Но разговор еще не окончился. И пусть капитан продолжает считать, что она все еще нервничает, и объясняет этим ее возможные ошибки.

В ответ на вопрос капитана Джорджина покачала головой, как это сделал бы двенадцатилетний мальчик, затем медленно подняла голову. Она собиралась бросить на капитана быстрый взгляд и тут же, изобразив детское смущение, снова отвести глаза, что должно было позабавить его и уверить в том, что перед ним совсем еще юный мальчишка.

Но все получилось не совсем так, как рассчитывала Джорджина. Она бросила быстрый взгляд на лицо капитана, тут же опустила голову, но уже в следующее мгновение снова вскинула лицо вверх и встретила взглядом зеленых глаз, которые настолько хорошо помнила, что несколько раз они даже снились ей по ночам.

Невозможно! Каменная Стена? Здесь? Надменный тип из таверны, с которым она никогда не предполагала больше встретиться? *Здесь?* Не может быть, чтобы это был тот, кому она должна прислуживать! Не может быть, чтобы ей не везло до такой степени!

Джорджина с ужасом видела, как рыжевато-коричневая бровь вопросительно приподнялась.

– Что-нибудь случилось, парень?

– Н-нет, – выдавила она и опустила глаза так быстро, что почувствовала боль в висках.

– Ты, стало быть, не собираешься превращаться в колоду?

Джорджина выдавила из себя звук, отдаленно напоминающий слово «нет».

– Великолепно! А то мой организм не вынесет такого зрелища.

О чем это он болтает? Да ему сейчас впору указать на нее перстом и грозно сказать: «Ты!» Неужели он не узнал ее? Даже взглядевшись в ее лицо, он продолжал называть ее парнем. Эта мысль заставила ее снова поднять на него глаза, однако на его лице она не прочла ни удивления, ни сомнения, ни подозрения. Взгляд его был пристальным, но в нем отражалось лишь удивление по поводу ее нервозности. Он совершенно ее не помнил. Даже фамилия Мака не пробудила в его памяти никаких воспоминаний.

Невероятно! Правда, тогда, в таверне, она была в одежде, которая совершенно не подходила ей по росту. Сейчас и одежда, и обувь были подогнаны по росту и по размеру. Только кепка осталась прежней. Джорджина плотно перебинтовала грудь и гораздо более свободно – талию, и торс у нее теперь был, как у мальчика. Да и освещение в таверне в тот вечер было хуже некуда. Вполне возможно, что он разглядел ее не так хорошо, как она его. Да и потом, с какой стати ему держать в памяти это происшествие? Если принять во внимание, как грубо он с ней тогда обращался, то скорее всего он был пьян в стельку.

Джеймс Мэлори четко зафиксировал момент, когда Джорджина расслабилась, поверив в то, что он ее не помнит. Был шанс, что, вспомнив об их первой встрече, она прекратит затеянную игру и проявит характер, как это случилось тогда, в таверне. Он затаил дыхание. Однако не заподозрив, что он знает о ее маскарade, Джорджина решила придержать язык и продолжить игру.

Джеймс и сам теперь расслабился. Если, конечно, не принимать во внимание чувственного возбуждения, которое охватило его с того мгновения, как она вошла в дверь. Кстати, он не испытывал ничего подобного при виде женщин вот уже... Господи, это было в последний раз так давно, что он даже не может вспомнить. Женщины всегда были для него легкой добычей. Даже соперничество с Энтони, когда они наперебой ухаживали за одними и теми же дамами, потерял свою привлекательность еще до того, как десять лет назад он уехал из Англии. Да и соперничали они только ради спортивного интереса. Завоевать какую-то одну определенную леди не имело смысла, когда вокруг было так много женщин.

Но сейчас дело обстояло иначе. Здесь был интерес, и победа сулила нечто неизведанное. Почему именно, он и сам затруднялся ответить. Его бы не устроила любая женщина, он хотел заполучить именно *эту*. Возможно, потому, что однажды уже потерял ее, чем был несколько разочарован. Кстати, разочарование уже само по себе было непривычно для него. Может быть, его привлекала тайна в ней. А может, тут играло роль воспоминание о том, как он прикасался ладонью к аппетитной круглой попке, когда выносил девушку из таверны.

Как бы то ни было, но для него теперь стало важным овладеть ею. Это и объясняло то, что его вдруг покинуло ощущение скуки и на смену пришло возбуждение, которое не позволит ему расслабиться, когда она находится рядом.

Чтобы несколько увеличить расстояние между ним и источником искушения, Джеймс Мэлори подошел к столу посмотреть, что ему принесли на завтрак. В это время раздался стук в дверь, которого он ждал.

– Джорджи?

– Капитан?

Он бросил на нее взгляд через плечо.

– Тебя так зовут?

– О, простите! Да, меня зовут Джорджи.

Мэлори кивнул.

– Это, должно быть, Арти с моими чемоданами. Ты разберешь их, пока я попытаюсь проглотить эту остывшую еду.

– Прикажете подогреть, капитан?

В ее голосе Джеймс уловил нотку надежды на то, что ей удастся покинуть его комнату, однако он не намерен выпускать ее из виду, пока берега Англии не останутся вдали. Если у нее есть здравый смысл, она должна отдавать себе отчет, что существует риск раскрытия обмана, что даже если он не узнал ее сейчас, он может узнать ее позже. А в этом случае не исключено, что она воспользуется запасным вариантом и покинет судно, пока еще есть возможность, пока можно по крайней мере доплыть до берега, если, конечно, она умеет плавать. Джеймс отнюдь не собирался давать ей такой шанс.

– Сойдет и такая еда. У меня сейчас аппетит неважный. – Видя, что она продолжает стоять на том же месте, Джеймс добавил: – Дверь, мой мальчик. Она сама не откроется.

Он заметил, как Джорджина поджала губы, направляясь к двери. Ей не нравилось, когда ее отчитывали. Или ей был не по душе его суровый тон? Он обратил внимание на то, каким не терпящим возражений тоном она сказала сварливому Арти, куда поставить чемоданы, заслужив весьма кислый взгляд со стороны матроса. Впрочем, тут же она приняла смиренный вид, подобающий юнге.

Джеймс едва не расхохотался. Ему стало ясно, что у этой ведьмочки будут проблемы из-за своего норова всякий раз, когда она на момент забудет, кого ей следует изображать. Команда судна вряд ли смирится с высокомерным юнгой. Объявлять во всеуслышание, что мальчишка находится под его личной защитой, Джеймс не хотел – это вызвало бы смешки за его спиной, повышенный интерес к юнге со стороны матросов и гомерический смех Конни. Оставалось одно: самому не спускать глаз с Джорджи Макдонелла. Правда, для Джеймса это не будет обузой: в нынешней мальчишеской одежде она выглядела очаровательной.

Шерстяная кепка, которую Джеймс запомнил с первой встречи в таверне, скрывала ее волосы, но, судя по соболиным бровям, волосы должны быть черными. Никаких выпуклостей под кепкой не было заметно: то ли она вообще не носила длинных волос, то ли подстригла их ради нынешнего маскарада, о чем он искренне сожалел бы.

Белая с длинными рукавами, узким вырезом у самого подбородка рубашка доходила до середины бедер, скрывая небольшую попку. Джеймс пытался понять, что она сделала с талией и грудью, к которой, он помнил, в таверне прикасалась его рука. Возможно, все выпуклости надежно скрывал короткий жилет. Он напоминал жесткий стальной каркас, который не распадется даже при самом сильном ветре.

Из-под рубашки выглядывали цвета буйволовой кожи бриджи чуть ниже колен. Толстые шерстяные чулки закрывали изящные девичьи икры, делая их вполне похожими на ноги мальчишки.

Джеймс молча наблюдал, как Джорджина методично вынимала каждую вещь из чемодана и находила ей место либо в комод, либо в гардеробе. Джонни, его прежний юнга, наверняка взял бы вещи в охапку и затолкал в ближайший более или менее свободный ящик. Джеймс не один раз отчитывал его за это. А эта малышка Джорджи все делала по-женски

аккуратно. Конечно, она делала это неосознанно, просто не умела иначе. Но как долго она сможет играть свою роль, если станет допускать подобные промахи?

Джеймс попытался посмотреть на нее глазами человека, который не знает о ее тайне. Это было очень непросто, потому что он *знал*. Но если бы он не знал... Господи, было бы совсем непросто угадать. Благодаря своему небольшому росту она сумела весьма удачно замаскироваться под мальчишку. Конни прав, она настолько миниатюрна, что похожа на десятилетнего мальчика, хотя и назвалась двенадцатилетней. Черт побери, не была ли она слишком уж юной? Он ведь не имел возможности должным образом расспросить ее. Впрочем, судя по тому, что ощутила его рука, когда он обнимал ее в таверне, она была вполне сформировавшейся девушкой. К тому же этот чувственный рот и этот проникающий в душу взгляд!

Джорджина закрыла крышку второго чемодана и повернулась к Джеймсу.

– Мне их отнести, капитан?

Джеймс невольно улыбнулся.

– Сомневаюсь, что ты сможешь это сделать, мой мальчик. Тебе не стоит носить такие тяжелые вещи. Арти вернется за ними попозже.

– Я сильнее, чем это кажется на первый взгляд, – упрямо сказала Джорджина.

– В самом деле? Это хорошо, потому что тебе придется ежедневно передвигать один из этих тяжелых стульев. Обычно я обедаю со своим помощником по вечерам.

– Только с ним? – Она обвела взглядом пять свободных стульев. – А другие офицеры?

– Это не военный корабль, – ответил Джеймс. – И потом я люблю уединение.

Ее лицо мгновенно просветлело.

– Тогда я покину вас.

– Не торопись, юнга, – остановил он Джорджину. – Куда ты, собственно говоря, собираешься идти, если твои обязанности ограничены этой каютой?

– Я... гм... думал, что... поскольку вы сказали об уединении...

– Тебя смутил тон моего голоса? Должно быть, он показался тебе слишком резким?

– Сэр?

– Что ты там бормочешь?

Она опустила голову.

– Простите, капитан.

– Это делается не так. Ты должен смотреть мне в глаза, если хочешь извиниться. Я не отец тебе, чтобы надрать уши или отстегать ремнем, я твой капитан. Так что не сжимайся от страха, если я вдруг повышу голос по делу или по случаю дурного настроения, сердито посмотрю на тебя. Делай, что тебе скажу, не задавая вопросов и не перечая, и мы с тобой прекрасно сработаемся. Ясно?

– Абсолютно.

– Великолепно. В таком случае приподними свою задницу, садись сюда и прикончи эту еду. Я не хочу, чтобы мистер О'Шон считал, будто я недооцениваю его стараний, и переживал, думая о том, что же подать мне в следующий раз. – Увидев, что Джорджина собирается протестовать, он опередил ее: – Уж больно ты худой, черт побери. Но я наращу мяса на твои кости за то время, пока мы доплывем до Ямайки. Даю тебе слово.

Джорджине пришлось сделать над собой усилие, чтобы не выразить недовольствия, когда, схватив тяжелый стул, она потащила его к столу и особенно когда увидела, что к еде капитан едва притронулся. Дело не в том, что ей не хотелось есть. Как раз она ощущала голод. Но каково будет ей сидеть и сознавать, что капитан пялит на нее глаза? И вообще ей надо разыскать Мака, а не тратить время на еду! Она должна рассказать потрясшую ее новость о том, кем оказался капитан.

– Кстати, юнга, говоря об уединении, я не имел в виду тебя, – сказал капитан, пододвигая к ней поднос. – Пойми, что в силу твоих обязанностей тебе постоянно следует находиться при мне. И через несколько дней я даже перестану замечать, что ты рядом.

Возможно, что так оно и будет, но пока он явно замечал ее и даже с интересом ждал, когда она начнет есть. Джорджина с удовольствием обнаружила, что отварная рыба, овощи и фрукты выглядят весьма аппетитно.

Ладно, скорее начнешь – скорее закончишь. Джорджина начала быстро поглощать содержимое тарелок, но уже через несколько минут поняла свою ошибку: пища подступила ей к горлу. Глаза у нее расширились от ужаса, и она бросилась в сторону умывальника, чтобы успеть найти ночной горшок, при этом в ее мозгу билась только одна мысль: «Господи, хоть бы он был пустой!» К счастью, он оказался пустым, и Джорджина успела рвануть его к себе. Позади она не столько услышала, сколько угадала слова капитана:

– Боже милостивый, ты ведь не собираешься... ага, теперь я вижу...

Ей было в этот момент наплевать, что думал капитан. Желудок отверг все, что она только что проглотила. Но прежде чем все закончилось, она почувствовала влажную тряпку на лбу и тяжелую, сочувственно поглаживающую руку на плече.

– Прости, парень. Я должен был бы сообразить, что ты сейчас очень разнервничался и твой желудок не в состоянии принять пищу. Успокойся, давай я помогу тебе лечь на кровать.

– Нет-нет, я...

– Не спорь. Ты, наверное, никогда не спал на такой. Поверь мне, она чертовски удобна. Пользуйся тем, что я испытываю угрызения совести, и ложись.

– Но я не хо...

– Я полагал, что мы договорились: ты выполняешь приказы сразу, как только их получишь. Я приказываю тебе лечь на эту кровать и отдохнуть. Тебя отнести или ты сам поднимешь задницу и залезешь?

Деликатность сменилась строгостью и нетерпением. Джорджина ничего не ответила. Она просто подбежала к громадной кровати и бросилась на нее. Кажется, Джеймс Мэлори собирается продемонстрировать ей, что капитан в плавании – то же, что и всемогущий Бог. Но она и в самом деле чувствовала себя разбитой, ей и вправду нужно было полежать, но только не на этой чертовой кровати. А он стоит рядом, наклоняется к ней. Она ахнула, но потом с надеждой подумала, что он не услышал ее испуганного вздоха. Все, что он сделал, – это положил холодный платок ей на лоб.

– Тебе нужно снять кепку и жилет, да и туфли тоже. Будет гораздо удобнее.

Джорджина побледнела. Неужто уже сейчас ей придется продемонстрировать неповиновение?

Она постаралась произнести фразу так, чтобы в ней не было сарказма, но в то же время чтобы она звучала предельно ясно:

– Возможно, капитан, вы думаете по-другому, но поверьте, я знаю сам, что мне будет лучше.

– Как хочешь, – пожал плечами капитан и, к ее облегчению, отошел от кровати. Но спустя мгновение до нее донесся голос из другой части каюты: – Кстати, Джорджи, когда тебе станет лучше, не забудь принести свою койку и вещи с полубака сюда. Мой юнга спит там, где он постоянно нужен.

Глава 12

– Нужен? – прохрипела Джорджина, садясь в кровати. Она прищурила глаза, с подозрением глядя на капитана, который, небрежно откинувшись на спинку стула, с интересом наблюдал за ее реакцией. – Для чего нужен юнга среди ночи?

– Я очень чутко сплю. От любых подозрительных звуков на судне я просыпаюсь.

– Но какое это имеет отношение ко мне?

– Джорджи, мой мальчик, – сказал капитан подчеркнуто терпеливым тоном, каким обычно разговаривают с ребенком, – а вдруг мне что-либо понадобится? – Джорджина не успела возразить, что в этом случае он может справиться и сам, как Джеймс тут же добавил: – В конце концов, это *входит* в твои обязанности.

Спорить с капитаном она не решилась. Но лишиться сна из-за того, что у капитана бессонница? А она-то хотела заполучить эту работу! Ну уж нет, больше она этого не хочет. Она не желает прислуживать этому деспоту Каменной Стене.

Джорджина решила потребовать уточнений:

– Что вы имеете в виду? Я должен принести вам из камбуза какую-нибудь еду?

– И это тоже, – ответил капитан. – Но иногда мне просто требуется услышать чей-то успокаивающий голос, чтобы я снова заснул. Ты, надеюсь, умеешь читать?

– Конечно! – возмущенно ответила Джорджина.

Слишком поздно она сообразила, что могла бы избавить себя по крайней мере от одной обязанности, если бы заявила, что не умеет читать. Она представила себе, как читает ему среди ночи; он лежит на кровати, она сидит на стуле рядом или даже на краю кровати, если он пожалуется, что ему плохо слышно. Будет гореть только одна лампа, освещающая страницы книги в ее руках, выражение лица у него будет сонное, тусклый свет смягчит его черты, он не будет казаться таким грозным, даже, пожалуй... Дьявольщина, она должна найти Мака, и немедленно.

Она спустила ноги с кровати, но тут же услышала окрик:

– Ложись, Джорджи!

Джорджина посмотрела на капитана и увидела, как он подался в кресле вперед, демонстрируя, что если она встанет, то встанет и он, а находился он между ней и дверью. Проверить же это намерение у нее не хватило духа: уж слишком грозно он выглядел.

«Господи, это смешно», – подумала Джорджина и снова забралась на кровать. Правда, теперь она легла на бок, чтобы видеть капитана. Стиснув зубы, она сказала:

– Это излишне, капитан. Я чувствую себя гораздо лучше.

– Я *сам* определяю, когда тебе будет лучше, парень, – непререкаемым тоном заявил Джеймс, снова откидываясь на спинку кресла. – Ты все еще такой же бледный, как покрывало, на котором лежишь. Так что оставайся на кровати, пока я не позволю тебе встать.

От гнева щеки Джорджины вспыхнули, хотя сама она об этом не подозревала. Вы только взгляните на него – развалился в кресле, как избалованный лорд. Впрочем, наверное, он и был избалованным, да и лордом тоже. И скорее всего за всю жизнь и пальцем не пошевелил, чтобы что-то сделать для себя. Если ей не удастся сейчас вырваться из-под его назойливой опеки, она просто изведется и возненавидит его за те несколько недель, пока придется прислуживать ему. Даже думать об этом не хотелось. Однако ее неповиновение не должно выходить за пределы того, на которое способен двенадцатилетний мальчишка. Сейчас у нее не было шанса сбежать из каюты.

Сделав такой вывод, Джорджина снова вернулась к вопросу о том, где ей придется спать.

– Я так думаю, капитан, что каюты все заняты.

– Верно, заняты. А в чем дело, парень?

– Я не могу сообразить, куда вы собираетесь поместить меня и мою койку, чтобы я всегда был под боком и вы могли позвать меня ночью.

– Черт возьми, и где, по-твоему, я собираюсь тебя поместить? – развеселился вдруг капитан.

Эта веселость разозлила ее не меньше, чем его непрошенная забота о ней.

– В помещении для прислуги, – выпалила она. – Что мне совсем не подхо...

– Перестань молоть чушь, юнга, а то ты разозлишь меня. Ты будешь спать прямо здесь, как и мой прежний юнга и другие юнги до него!

Похоже, он и в самом деле намерен поселить ее в своей каюте. К счастью, ей были известны такие случаи, и это спасло ее от взрыва негодования и ярости, что сейчас было бы вряд ли уместно. Она знала, что некоторые капитаны берут в свою каюту юнг ради их личной безопасности. Так, например, делал ее брат Клинтон, после того как юнга был избит тремя матросами и получил серьезные травмы. Подробности этой истории Джорджине не были известны, она знала лишь то, что три обидчика были примерно наказаны.

Что касается капитана «Девы Анны», то он должен знать, что на борту находится ее брат, который способен защитить ее, и настойчивое стремление поселить ее у себя в каюте продиктовано личными интересами, а не заботой о ее безопасности. Однако она не собиралась спорить. И вовсе не потому, что он не стал бы выслушивать ее возражения, о чем он уже предупреждал. Было глупо протестовать против практики на судне.

Поэтому она задала единственный вопрос:

– А где это здесь?

Кивком головы он указал на пустой угол комнаты, справа от двери.

– Там достаточно места, уверяю тебя. Поместится и твой рундук, и все то, что ты взял с собой на борт. Крюки для койки уже вбиты.

Джорджина посмотрела на стену. Странно, что она не заметила этих крюков вчера, когда была в каюте. Угол находился далеко от кровати, но этим исчерпывались все плюсы. Между кроватью и подвесной койкой не было ни ширмы, ни мебели – словом, ничего, что могло бы создать хотя бы подобие уединенности.

Единственным предметом в этой части каюты была ванна, стоявшая в противоположном углу возле окон и загороженная ширмой. Между ванной и дверью находился невысокий комод. Обеденный стол располагался ближе к центру, все остальное было слева от двери.

– Ну как, подойдет, юнга?

Как будто он предложит ей другой вариант, если она не согласится. Станет он поступать своими удобствами ради какого-то юнги!

– Наверное... Только нельзя ли использовать эту ширму?

– Для какой цели?

«Для того, чтобы закрыться от тебя, болван непроходимый!» Но он казался настолько удивленным ее вопросом, что она лишь сказала:

– Да просто появилась такая мысль.

– А ты выбрось пустые мысли из головы, мой мальчик. Руководствуйся вместо этого здравым смыслом. Эта ширма прикреплена к полу. Здесь все прикреплено, кроме стульев, и в твои обязанности, кстати, входит закрепить их при первых признаках ухудшения погоды. Разве ты этого не знал?

Джорджина почувствовала, что краснеет. Об этом ей было известно сизмальства. На корабле любой предмет должен быть прикреплен, прикручен, привязан, иначе он либо окажется не на месте, либо будет сломан, либо сам нанесет ущерб. Как она могла забыть о такой простой вещи?

– Я ведь не утверждал, что раньше плавал, – оправдываясь, проговорила Джорджина.

– Так, выходит, ты из Англии?

– Нет! – выпалила она. – Я хотел сказать, что я приплыл сюда, но как пассажир. – И чтобы еще больше подчеркнуть свое невежество, добавила: – Я никогда не обращал внимания на такие вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.